На правах рукописи

КИТИНОВ Баатр Учаевич

БУДДИЙСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОЙРАТОВ (середина XV в. – 1771 г.)

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (средние века)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в Отделе истории Востока Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения Российской академии наук»

Официальные оппоненты:

КРАДИН Николай Николаевич
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН»
Директор

ЖУКОВСКАЯ Наталия Львовна
доктор исторических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН»
Заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований

ДЖУНДЖУЗОВ Степан Викторович
доктор исторических наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет»
Профессор кафедры истории России

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»

Защита состоится «____» июня 2020 г. в____часов на заседании диссертационного совета Д.002.041.03 по историческим наукам при ФГБУН «Институт востоковедения РАН» по адресу: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте www.ivran.ru ФГБУН «Институт востоковедения РАН».

Автореферат разослан «____»_____2020 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук Петрова А.А.

© ФГБУН «Институт востоковедения РАН», 2020

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Первое: особое внимание, уделяемое воздействию буддизма на историю ойратов, позволяет выявить основополагающие причины и последствия роли религии у этих кочевников. Таким образом, речь идет о буддийском факторе в политической истории ойратов, пребывавших в Джунгарии[1] (под лидерством элётов, позже джунгаров), на северо-востоке Тибета (хошуты), и Волжско-каспийском регионе России (калмыки)[2]. В науке уделялось недостаточно внимания религиозным основаниям институтов политической власти и влияния в государственных образованиях ойратов, использованию буддийского фактора в ойратской политике династий, правивших в Китае. Для получения более системной картины значения буддизма и обнаружения неявных или скрытых процессов и течений, случившихся под влиянием религии, автор обращает внимание на особенные или малоизученные периоды в политической и этнической истории этих кочевников. Среди них можно отметить, например, причины и время восприятия ойратов как *калмыков*, роль буддийского фактора в истории их конфедераций, в отношениях между западными монголами и тюрками. Такой подход позволяет также дать более верную оценку политическому и социальному потенциалу буддизма, его роли и влиянию в условиях господства у воинственных кочевников, пребывавших на пересечении разных религий и народов.

Второе: анализ связанных с религиозным фактором событий и процессов, воздействовавших на ойратов, создает условия для более глубинного и разностороннего понимания особенностей их этнической истории. В ойратоведении (монголоведении) до сих пор остается малоизученным вопрос соотнесения религиозной ориентации и этнической истории западных монголов, в частности, роли монгольского и тюркского компонентов, соответственно, буддизма и ислама. Этот вопрос обычно рассматривался в русле влияния военно-политических событий (войны с Китаем, восточными монголами и тюркскими соседями, межойратские трения, помощь школе Гелук и Далай-ламе) на миграции ойратов, образование или распад их конфедерации (союза), и лишь в последние годы ученые обратили отдельное внимание на значение религии в этническом развитии народа, в судьбе его отдельных этнических групп и личностей (работы В. П. Санчирова, Р. Таупьера, Х. Цэнгэла и др.). Выходящие публикации позволяют сделать вывод о большом исследовательском потенциале поставленных в работах вопросов, и перспективности расширения изучаемой тематики в пользу компаративных религиозно-духовных (культурных) и этнических изысканий.

---

[1] Поскольку в изучаемый период основной территорией ойратов была Джунгарская впадина (см. ниже), обычно включаемая в состав Восточного Туркестана, то мы под Джунгарией понимаем северную часть этого обширного региона (севернее гор Тянь-Шаня, известных также как Небесные горы).

[2] Здесь указаны основные этнические группы (народы) – лидеры ойратов в указанных регионах, где ими были созданы свои государства. Еще одна большая группа ойратов – дербеты – обладала значительным влиянием в Джунгарии.

Третье: делается особый акцент на духовно-цивилизационные константы и характеристики Тибета, Китая, России, также исходившие из образа жизни номадов. Такой подход представляется существенным, поскольку позволяет обозначить важную роль этих показателей в политической и этнической истории ойратов, зачастую упускаемую из виду. Следует отметить их влияние на ойратов не только в пределах изучаемого периода, но также в предшествующий и последующий. Несмотря на безусловную важность религиозных установок и предписаний, они могли легче восприниматься обществом, если оформлялись в цивилизационно известные и близкие формулы, образы и символы. Традиции и установки прошлого позволили ойратским руководителям не только поддерживать новые духовные институты и постулаты, но и выступать зачинателями законодательных инициатив и порядков, в том числе в сфере религии: оказывать всемерную поддержку тибетским иерархам, контролировать влияние лам в своих государственных образованиях, поддерживать устоявшиеся нормы и обычаи, и т. п. Отмеченное особенно было актуально в рассматриваемый настоящей работой период, поэтому выделение культурно-цивилизационного аспекта, собственно религиозных дискурсов, политико-правовых реакций позволили высветить новые грани в изучаемой теме.

Объектом диссертационного исследования является история евразийской степи в средние века. **Предметом исследования** выступает история государственных образований ойратов, их этнических групп (объединений, конфедераций); влияние буддийского фактора на политическую и этническую историю ойратов.

Целью диссертационной работы является анализ влияния и роли буддийского фактора в политической и этнической истории ойратов, оценка его значения во взаимоотношениях ойратов с Тибетом, с Минской и Цинской империями, Монголией и Россией.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть раннюю историю ойратов до создания Эсэн-тайшой единого государственного образования в середине XV в., в частности, их этнический состав и религиозные воззрения, вхождение в состав империи Чингисхана, «персидский» период, роль географического и религиозного факторов в восприятии ойратов как *калмаков* (калмыков);

- изучить политическую историю ойратов в период с середины XV в. до 1630-х гг. (образование ханств джунгаров и хошутов), обращая внимание на возрастание роли религии и лам у ойратов, в т.ч. в контексте их внешней и внутренней политики, особенно в отношениях с сакральными фигурами и центрами;

- изучить вопрос о существовании и специфике трех (Первой (Ранней), Второй (Средней), Третьей (Поздней)) конфедераций ойратов, их этническом составе, выделяя значение религиозного фактора в появлении, эволюции и смене / падении конфедераций;

- определить историческую, политическую, этно-групповую и духовную обусловленность религиозной ориентации ойратов на Далай-ламу, Панчен-

ламу и школу Гелук (Ганден), в т. ч. в контексте ойрато-монгольских и ойрато-маньчжурских отношений;

- выявить влияние буддийского фактора, в лице религиозных лидеров, институтов и норм, на политическую и этническую историю, законодательство ойратов, формирование и развитие их государственных образований в период со второй трети XVII в. до первой четверти XVIII в., обращая особое внимание на религиозный фон военно-политических событий (подчинение Тибета Гуши-ханом в 1637–1642 гг., ойрато-халхаская война конца XVII в. и джунгарское завоевание Тибета в 1717–1720 гг.);

- изучить обстоятельства, определившие существование Калмыцкого ханства в России (северо-западная миграция части ойратов, межэтнические трения, становление и развитие ханства), роль буддийского фактора в его истории, с выделением причин, повлиявших на значимость титула «хан», получаемого калмыцкими правителями от Далай-ламы, в т. ч. в условиях ограничительной политики российского правительства;

- проанализировать воздействие буддийского фактора на ойратов (в т. ч. калмыков), на их коммуникации (контакты и связи) и определить роль религиозных и политических институтов, норм законодательства в укреплении их буддийской и этнической идентичности и единства, это касается и посольского обмена с тибетскими лидерами и цинским двором;

- проследить закономерности возрастания значения буддийского фактора во внутренней и внешней политике ойратов (и калмыков) с середины XVIII в. по 1771 г., способы использования Цинской империей религии (ее положений, институтов и традиций) для ослабления и последующего разгрома Джунгарского ханства и исхода калмыков на земли прежней Джунгарии.

Хронологические рамки охватывают период с середины XV в. по 1771 г., когда у ойратов существовали независимые государственные образования, в истории которых буддийский фактор имел чрезвычайно важное значение. Этническая история в указанный период тоже пребывала под значительным воздействием религии. Поскольку в более ранние периоды религия, в том числе буддизм, оказывала определенное воздействие на политическую и этническую историю ойратов, что отразилось на их последующем развитии, то, для более комплексного и объективного изучения заявленной темы, ранняя граница исследования опускается к XIII в.

Научная новизна и оригинальность диссертации. Диссертация является первой в отечественном и мировом востоковедении научной работой, где на основании широкого массива источников, с привлечением последних достижений исторической науки изучена и обоснована значительная роль буддийского фактора в политической и этнической истории ойратов периода с середины XV в. до 1771 г. Автором изучены праджня-парамитские сутры, распространенные у ойратов, с целью выявления идейных оснований содержания и значения буддийского фактора, его роли в становлении государственных образований западных монголов, их внешней и внутренней политики. На основании недавно обнаруженных и опубликованных источников, выделено

наличие трех конфедераций в истории ойратов, установлено укрепление буддизмом своих позиций при Первой конфедерации, значительная роль буддийского фактора в становлении Второй и Третьей конфедераций, уточнены периоды существования первых двух. К научной новизне следует отнести компаративный анализ законодательных актов, нормативное содержание которых обеспечивало сохранность религиозной и этнической идентичности ойратов.

Научно-практическая значимость исследования определяется уровнем теоретической концептуализации значения буддийского фактора и компаративного анализа событий и процессов в рамках изучаемого периода в политической и этнической истории ойратов. Разработан теоретический подход к таким понятиям, как «калмак/ калмык», «шаджин-лама», «конфедерация ойратов», что расширяет рамки интерпретации религиозного дискурса; проведено изучение ряда терминов и определено значение реалий, обозначенных этими терминами, в формировании специальной политики по отношению к ойратам со стороны Цинской империи («тхомкар», «нутук»); исследована политика Цинов по отношению к западным монголам с акцентом на религиозные, этнические, управленческие дискурсы. Все это позволяет обозначить приемы и методы, обеспечивавшие гибкость дипломатии маньчжуров. Эвристический потенциал использованных в работе теорий и методов, ввиду особенностей политической и этнической истории ойратов, и важной роли у них буддийского (религиозного) фактора, позволяет развивать его для изучения подобных контекстов в исследованиях, посвященных прошлому народов на обширном регионе Центральной Азии. Результаты диссертационной работы могут использоваться для исследования этнического и политического развития, религиозных, социальных, экономических и иных процессов и явлений в истории кочевых сообществ, для дальнейшего развития методов и способов теоретической инновации при изучении процессов коммуникаций и взаимодействия кочевых и оседлых народов. Отдельные положения могут использоваться в преподавании исторических, религиоведческих, политологических дисциплин.

Степень научной разработанности проблемы

Роль буддийского фактора в политической и этнической истории ойратов не являлась предметом специального исследования, хотя проблема изучалась в изданиях, посвященных истории ойратов, а также соседних народов, стран и регионов. Комплексный анализ таких работ представлен в п. 1.1.

Методология и методы исследования. Автор, основываясь на принципах научной объективности и историзма, использовал такие методы исследования, как структурный, системный, исторический, религиоведческий и компаративный. Более подробно этот пункт раскрывается в п. 1.3.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Буддийский фактор оказал решающее воздействие на политическую и этническую историю ойратов в период с середины XV в. по 1771 г. Системное изучение роли и значения буддийского фактора в истории ойратов обнаруживает примеры его позитивного воздействия на политический процесс как у самих ойратов (определяемых также как Четыре Ойрата, как в целом, так и

раздельно, согласно основным этническим группам или этнополитическим объединениям), так и в системе отношений с соседними народами и государствами: с Тибетом, Монголией, Китаем, Россией, тюркскими народами.

2. В истории ойратов было три конфедерации: Первая (Ранняя, 1430-е гг. – конец XV в.), Вторая (Средняя, ранее 1570 – 1635 гг.) и Третья (Поздняя, 1635 – 1756 гг.), с различавшимся этническим составом как между конфедерациями, так и внутри каждой из них. Их формирование и развитие зависело от политических, экономических и религиозных условий: Ранняя конфедерация возникла ввиду необходимости борьбы с восточными монголами пост-Юаньской эпохи; Средняя – по причине давления со стороны тумэтов и халхасов, что было одним из последствий падения ойратского государства Эсэн-тайши; Поздняя – в результате образования Джунгарского ханства. Роль религиозного (буддийского) фактора была значительной в истории существования всех трех конфедераций.

3. Благодаря религиозному фактору (шаманизм и буддизм у ойратов) топоним «Калмак» (регион, примерно соотносимый с территорией Джунгарии и Западной Монголии) был интерпретирован мусульманскими народами в этническом значении, с целью указания на чуждую религиозно-духовную ориентацию (*инаковость*) западных монголов, мигрировавших в Калмак в период монгольских завоеваний. Позже, по политическим и религиозным причинам, новоявленный этноним «калмак» был преобразован в этноним «улан залата хальмаг» («калмаки (калмыки) с красными кистями»). Ойраты, отошедшие в Персию, стали известны не как «калмаки», хотя они также были шаманистами и буддистами, но сохранили этноним «ойрат». Процесс возрастания влияния буддизма у ойратов в конце XIV – начале XV вв. развивался параллельно с увеличением у них монгольского этнического субстрата и уменьшением тюркского; этнонимы «ойрат» и «калмак» становились синонимами.

4. Упоминаемый в калмыцких и ойратских источниках «уход» ойратов-элётов «на запад» интерпретируется следующим образом: из-за религиозных разногласий между Амасанджи (сын Эсэн-тайши, буддист), и его двумя сыновьями (внуки Эсэн-тайши, мусульмане), ставших мусульманами благодаря своей матери, дочери могулистанского Вейс-хана, последние увели большое количество ойратов-элётов в Могулистан, где они были практически полностью уничтожены Ахмад-ханом в период 1485 – 1504 гг. Это событие привело к падению авторитета чороской династии, умалению значения элётов и определило завершение Первой (Ранней) конфедерации; вместе с тем, для оставшихся ойратов оно привело к укреплению буддизмом своего положения, формированию их соответствующей религиозной идентичности.

5. Завершение существования Второй (Средней) ойратской конфедерации началось с кризисных явлений 1590-х гг. и продолжилось миграцией торгутов в Россию; создание Хошутского ханства (1637 г.) под лозунгом помощи тибетской школе Гелук окончательно оформило распад Второй конфедерации и тем самым во многом завершило формирование Джунгарского ханства, иначе говоря, случилось образование Третьей (Поздней) конфедерации. В структурном

плане это выразилось в отказе ойратских лидеров от общего *чуулгана* (собрания ойратской знати) и появлении его локальных версий (раздельных *чуулганов*). К тому времени разные этнополитические объединения ойратов обладали признаками государств (постоянная земля (территория для миграций), податное население, аппарат управления и наказания (Зарго), единая религия и идеология), что облегчило их образование в виде ханств с локальными правителями, но единой сангхой во главе с главным ламой (среди калмыков будет позже известен как *шаджин-лама*).

6. Если при переходе от Ранней конфедерации к Средней ключевую роль сыграли этнический и религиозный факторы (социальная и культурная системы), то для формирования Поздней конфедерации важной была институционализация правил нормативного порядка – нормативно-правовая система, в основании имеющая законы 1640 г., которые коррелировали и стабилизировали порой непростые межойратские отношения, а также отношения ойратов с восточными монголами, способствуя укреплению ойратских государств. Возникновение ойратских государств было сопряжено с развитием у них учения Гелук, поэтому их правители явили (обозначили) во вновь установленных нормах и правилах, законодательных и подобных актах и действиях значительную (в том числе вооруженную) поддержку этой тибетской буддийской школы, как и вообще буддийской религиозной традиции.

7. Калмыцким правителям было принципиально обладать грамотой на ханский титул, полученной от Далай-ламы; эта традиция началась с Дайчина (встречался с Далай-ламой Пятым в первой половине 1640-х гг., титул «Дайчин-хан» получил от него в 1650-х гг., но передал своему сыну Мончаку) и Аюки (внук Дайчина, встречался с тем же Далай-ламой в 1682 г., титул «Дайчин-Аюши-хан» получил от Далай-ламы Шестого в 1698 г.), он же в 1690 г. получил «ханские» регалии от дэсрида (регента, дипы) Сангье Гьяцо. Следующим ханом, получившим титул «Дайчин-шаса-бюджа-хан» от Далай-ламы Седьмого, был Церен-Дондук. Последующие попытки калмыцких лидеров получить такой титул были безуспешны (возможно, за исключением Дондук-Даши).

8. Вторжение джунгаров в Тибет в 1717 г. имело основными задачами «очищение» религии от «еретиков» (религиозный аспект), под которыми подразумевались последователи школы Ньингма (учений Пема Лингпа и «позднего» Падмасамбхавы), и объединение всех монгольских народов (этнополитический аспект) под единым духовным руководством. Для этого джунгарский Цэван-Рабдан хунтайджи собирался передать власть в Потале в руки Панчен-ламы; в рассматриваемое время еще не утвердилось правило о субординации лидеров Гелук: Далай-лама как лидер школы, Панчен-лама как ее второй по значимости духовный иерарх.

9. С начала XVIII в. Калмыцкое ханство ощущало нехватку буддийского духовенства, определенная часть которого, состоявшая из авторитетных и подготовленных лам, отправленная на поклонение к Далай-ламе в составе посольства Арабджура, была вынуждена остаться в Китае. Последующие события первой половины 1730-х гг. усугубляли продолжившийся с тех пор кризис

религиозной и этнической идентичности калмыков. На идентичность хошутов (известных и как *кукунорцы*, *верхние монголы*, *сог-по* (монголы)) большое воздействие оказала близость такого мощного культурного центра, как Тибет, чьи духовные лидеры своим авторитетом оказывали опосредованное влияние на их идентичность, что было подтверждено в ходе восстания хошутов в 1723 г. (призыв Лобсан-Данзина сохранить тибетские титулы). Акцент на обобщенный тибето-монгольский дискурс, поддержанный мультиэтничностью Кукунорского региона, редуцировал у хошутов показатели ойратской идентичности и нарушил устойчивость прежних (общеойратских) ориентаций.

10. Кризисные ситуации в ойратских ханствах были связаны с распадом прежних систем коммуникаций (политических, религиозных и этнических), во многом инициированным властями Цинской династии: джунгаров изолировали от остальных ойратов, обвинив в нападении на религиозный центр (Тибет), калмыков пытались вовлечь в войну с джунгарами. Джунгарское и Калмыцкое ханства, обладавшие схожим образом жизни, единой религией, методами и средствами управления, различались в пограничных контекстах: джунгары более выделяли этнический фактор (ойратский), калмыки – религиозный (буддийский). Это было использовано маньчжурскими властями: джунгарские правители были обвинены в обращении в ислам и названы *тхомкарами*, калмыцкие – в подданстве России: только подданные цинского императора могли посещать Далай-ламу. Ситуация усугубилась политикой России, ограничивавшей контакты калмыков с Далай-ламой и Тибетом.

11. Ко второй трети XVIII в. Джунгарское и Калмыцкое ханства практически полностью лишились контактов с тибетскими иерархами, в частности с Далай-ламой. Внутриполитическая борьба у джунгаров привела в середине XVIII в. к разгрому цинскими войсками их ханства, тем самым прекратила существование Третья конфедерация. Использование Цинами авторитета хутухты Лоузан Джалчина (вероятно, воплощенца ламы Анджатана), при ухудшении политической и экономической ситуации в Калмыцком ханстве, имело следствием исход калмыков в январе 1771 г. обратно в Джунгарию, что завершило эпоху политической независимости ойратов.

Апробация результатов исследования. Автор провел предварительную разработку отдельных вопросов и тем, исследованных в диссертации, при написании и публикации: 3 индивидуальных монографий; 5 коллективных монографий; 22 статей в научных периодических изданиях из перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук; более 40 публикаций в российских и зарубежных научных журналах, сборниках трудов международных, всероссийских и региональных научных конференций, общим объемом более 75 п.л.

Основные идеи и положения диссертации были представлены в докладах и выступлениях автора на российских и международных конференциях и семинарах: Международная научная конференция «История развития

буддизма в целом и в частности традиции Гелук на территории России и Монголии» (2019, монастырь Дрепунг Гоманг, Карнатака, Индия); I Международная научно-практическая конференция «Буддийская цивилизация и духовное наследие народов Евразии: устные и письменные традиции в историко-культурном контексте» (2019, Центральный хурул, Элиста); XV Семинар Международной ассоциации тибетологических исследований (2019, INALCO, Париж, Франция); Международный семинар «Изучая архивы монгольского буддизма» (2019, университет Калифорнии, Санта-Барбара, США); Международная конференция «Западная Монголия, Синьцзян, Северный Кавказ – ойратская идентичность в диаспоре» (2018, университет Геттингена, Германия); Международная конференция «Монголы в разных концах монгольского мира» (2018, Национальный университет Австралии, Канберра); Международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» (2016, 2018, ИВ РАН, Москва); Международная научно-практическая конференция «Буддизм Ваджраяны в России» (2010, 2012, 2014, 2016, 2018); Международная конференция «Монгольский буддизм в практике» (2017, университет Этвош Лоранда, Будапешт, Венгрия); Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения» (2017, ИВ РАН); Международная научная конференция «Культурные связи и отношения между Монголией и Тибетом» (2017, университет Ланьчжоу, Ганьсу – Цинхай, КНР); Международный научный семинар по тибетологии (2002, 2008, 2016, Пекин, КНР); Научно-практическая конференция «Религия в современном европейском обществе: культура диалога» (2015, Институт Европы РАН, Москва); Международная конференция «Ойратская письменность и историко-культурное наследие монголоязычных народов: вчера, сегодня, завтра» (2015, КИГИ РАН, Элиста); Международная конференция «Евразия и Индия: региональные перспективы» (2013, Нью-Дели, Индия); Международная научная конференция «Евразийская политика: идеи, институты и внешние отношения» (2012, Нью-Дели, Индия); Международная научно-практическая конференция «Молодежь-культура-политика: историческая память и цивилизационный выбор» (2010, МГУ); Третья всемирная конференция «Буддизм и наука» (2010, университет Махидол, Бангкок, Таиланд); Научная конференция «Ломоносовские чтения. Востоковедение/ религиоведение» (2006, 2007, 2008, ИСАА МГУ); Межвузовская конференция «Восток и Запад: приоритеты эпох» (2007, 2008, 2009, РУДН); Международная научная конференция «Цивилизация, государство и общество Евразии: вчера, сегодня, завтра» (2008, РУДН); Международная научная конференция «Четвертые Торчиновские чтения» (2007, СПбГУ); Московская научная конференция «Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность» (2007, 2008, РУДН); IV Международная научная конференция «Россия и Восток: Проблема толерантности в диалоге цивилизаций» (2007, Астраханский ГУ); Московская научная конференция «Цивилизация и государство на Востоке» (2007, РУДН); Круглый стол «Возвращение казахов в Казахстан: тенденции и перспективы» (2008, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан).

Апробация отдельных положений диссертации осуществлялась при чтении курсов для студентов РУДН («Теория и история мировых религий», «История мировых цивилизаций», «Восток-Запад: история сотрудничества, конфликтов, тенденции взаимодействия», «Роль буддизма в Азии», «История Китая», «Конфессиональный портрет России и сопредельных государств»), при руководстве курсовыми и выпускными работами. Диссертант проводил семинар в университете Вестминстера “Geopolitics of Caspian Region: a Clash of Civilizations? Buddhist Civilization and Indo-Chinese Discourse” (2009, Лондон, Великобритания); читал лекции: в университете Калгари – «Buddhism in Russia» (2002, Калгари, Альберта, Канада), в университете Калифорнии – «Issues of Buddhist Identity among Oirats» (2019, Санта-Барбара, США).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** изложено обоснование темы, формулируется цель исследования, задачи, указаны хронологические рамки, новизна и научно-практическая значимость. Здесь же даны положения, выносимые на защиту, сообщается об апробации результатов проведенного исследования.

Первая глава «Историография, источники и методологические основы исследования» посвящена теоретической базе диссертационной работы.

1.1. Степень научной разработанности проблемы

Историография разделена на ряд категорий по принципу «от общего к частному», при этом работы, касающиеся пограничных народов и регионов, выделены в последнюю, шестую категорию.

Первая категория публикаций. Обобщающие работы по политической и этнической истории ойратов

Вероятно, первой комплексной работой по политической и этнической истории калмыков является «Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев» В. М. Бакунина (1761 г.)[3]. Несомненным достоинством книги является информация «из первых рук», т. к. автор по долгу службы был вовлечен в события у калмыков в первые десятилетия XVIII в. Его описания дают достаточно цельную картину влияния религии на политические процессы у калмыков. Одной из ранних работ, где дается обобщающая история ойратов, является «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» известного синолога Н. Я. Бичурина[4]. Будучи глубоко «погруженным» в китайские хроники, он был недостаточно критичен к их содержанию, что отмечалось специалистами.

[3] Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995.

[4] Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991.

Труды Н. Я. Бичурина, В. И. Волобуева, П. К. Козлова и Г. Е. Грумм-Гржимайло важны для географической «привязки» изучаемых событий[5].

В 1920-х гг. вышли работы Н. Н. Пальмова по истории калмыков. Основанные на тщательно проанализированных архивных данных, они стали крупным вкладом в изучение политических событий и процессов у калмыков[6].

Капитальный труд И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства»[7] – первая в отечественном и мировом ойратоведении (монголоведении) работа, где удалось не только собрать, систематизировать и проанализировать большой объем архивных материалов и научных публикаций, но также подвести серьезный научный фундамент в понимание прошлого ойратов. Хотя он специально изучал активность лам (например, Зая-пандиты), отдает должное религиозной подготовке Галдана Бошогту-хана, все же религиозный контекст истории ойратов не получил у него должного освещения. А. И. Чернышев для изучения политической и этнической истории ойратов в XVIII в. привлек данные из редких источников[8]. Для нас важными являются информация по этническим группам ойратов, и сообщения о ламах среди западных монголов.

Значимым явлением стало издание монографии «Происхождение калмыцкого народа» Г. О. Авляева[9]. Несмотря на отдельные спорные утверждения, книга ценна подробными разборами сложных вопросов этногенеза калмыков. Интерес представляют капитальные обобщающие работы по истории ойратов и калмыков: «Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период»[10] и трехтомная «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней»[11]. Для нашей работы важным был первый том этого издания, где комплексно рассмотрены сложные вопросы этнического состава ойратов, роли религии в их истории и политике и т. п. Внимательное изучение событий в Калмыцком ханстве, последовавших за смертью Аюки-хана, характеризует

---

[5] Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960; Волобуев В. И. Карта Джунгарского государства 1738 г. И. Г. Рената как историко-географический источник. М., 2018; Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948; Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М., 1948.

[6] Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Части III и IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Первый том исследования. Астрахань, 1929; *Он же*. Калмыки. Астрахань, 1928; *Он же*. Этюды по истории приволжских калмыков. Часть II. Астрахань, 1927; *Он же*. Этюды по истории приволжских калмыков. Часть 1. XVII-XVIII века. Астрахань, 1926; *Он же*. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922.

[7] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М., 1983.

[8] Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.

[9] Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX – первая четверть XVIII вв.). Элиста, 2002.

[10] Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.

[11] История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. Т. 1, 3.

монографию А. В. Цюрюмова «Калмыцкое ханство в 1724 – 1741 гг.: хроники династийных междоусобиц»[12].

Комплексной работой является книга известного ойратского историка из СУАР КНР Хо Бадая «Изучение истории и культуры ойрат-монголов»[13], где впервые определены периоды существования ойратских конфедераций (союзов), даны обзоры основных исторических периодов народа.

Важные для понимания особенностей истории ойратов-хошутов работы издал китайский ученый Хошууд Цэнгэл. В статьях, собранных в книге «Источниковедение и история ойратов и верхних монголов»[14] (серия «Библиотека ойратика»), он изучает источники по истории ойратов, написанные на тибетском, китайском, монгольском и ойратском языках. В совместной с Гу. Цэрэнбалом публикации он обращает внимание на законодательство ойратов[15]. В этой же серии «Библиотека ойратика» вышла монография известных ойратских ученых из Монголии На. Сухбаатара и Д. Баярсайхана «История хойтов»[16] – об ойратах-хойтах, история которых все еще остается малоизученной.

Из работ западных специалистов следует выделить монографию П. Пелльо «Критические заметки по истории калмыков»[17], посвященную анализу многих запутанных страниц истории ойратов. Р. Таупьер, изучая идеологию ойратов XVII в. в контексте их истории, обращает внимание на этническую связь поздних ойратов с ранними и выделяет значение религии. Он также отметил, что все ойратские народы были вовлечены в многовековые процессы государственного строительства, и «воспоминания о тех усилиях сформировали сильную часть их наследия»[18].

Вторая категория публикаций. Труды, посвященные истории буддизма у ойратов

Прежде всего, следует отметить работы ученых из Калмыкии.

Во второй половине XX в. в Калмыкии выходили сборники статей по истории буддизма у ойратов и калмыков[19]. Статьям присуща традиционная для советской науки негативная оценка роли религии в истории народа. С 1990-х гг. стали выходить работы, изучающие историю и религиозные воззрения калмыков; это, например, работы Э. П. Бакаевой и Г. Ш. Дорджиевой[20].

---

[12] Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста, 2005.

[13] Badai H. Oirad moŋɣol-in tūki soyol-in sudulul. Urumji, 2004.

[14] Цэнгэл Х. Ойрад ба дээд монголын туух, сурвалж бичгийн судлал. Улаанбаатар, 2017.

[15] Цэрэнбал Гу., Цэнгэл Х. Хох нуурын чуулганы цаазын бичиг. Улаанбаатар, 2018.

[16] Сухбаатар На., Баярсайхан Д. Хойдын туух. Улаанбаатар, 2016.

[17] Pelliot P. Notes Critiques d'Histoire Kalmouke. Part 1. Paris, 1960.

[18] Taupier R. The Oirad of the Early 17th Century: Statehood and Political Ideology. PhD diss. University of Massachusetts Amherst, 2014.

[19] Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977; Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста, 1980.

[20] Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста, 2003; *Она же*. Буддизм в Калмыкии. Элиста, 1994; Дорджиева Г. Ш. Буддизм в Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX вв.). Элиста, 2012; Дорджиева

Отдельные вопросы по истории буддизма у калмыков, влиянию религии на культурно-цивилизационные процессы у кочевников и роли государства, затрагиваются В. Н. Бадмаевым, Е. Ш. Музраевой, М. С. Улановым[21].

В диссертации вопросы, относящиеся к роли шаманизма у монгольских народов, в т. ч. у ойратов, изучались с привлечением трудов таких известных специалистов, как Д. Банзаров, Ю. И. Дробышев, П. К. Дашковский[22].

А. А. Курапов является автором исследований о роли буддизма в истории калмыков[23]. Его монография «Российское государство и буддийская церковь на Юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв.»[24] ценна значительной работой с документами и выявлением роли буддийской общины в развитии калмыцкого общества.

Ощутимых результатов в изучении распространения буддизма у ойратов добились ученые из Монголии и КНР. Известный монгольский ученый Л. Тэрбиш в монографии «История буддизма у ойратов»[25] свел данные за огромный исторический период – фактически, с проникновения лам Гелук к ойратам в конце XVI в. и до конца XX в. Он, как и К. Лидже, ойратский исследователь из КНР, автор «Исследования истории буддизма у ойратов»[26], обнаружил малоизвестные либо вовсе не известные страницы истории буддизма у западных монголов. Изучив минские источники, Ш. Джагчид из Тайваня заключил, что буддизм сохранялся у ойратов и после падения династии Юань, т. е. во второй

Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX в.). Элиста, 1995.

[21] Бадмаев В. Н. Культура кочевых народов: к методологии вопроса // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 29 (1). С. 80-87; Бадмаев В. Н., Уланов М. С., Сангаджиева Н. Н. «Ики Цааджин Бичик» и буддийские культурные традиции калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 148-154; Музраева Е. Ш. О роли религии в миграции хошутов в Цинхай// Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 48-54.

[22] Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова. СПб., 1891; Дробышев Ю. И. Климат и ханы. Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. М., 2018; Дашковский П.К. Отечественная историческая наука о религиях и государственной религиозной политике у кочевых народов Саяно-Алтая и сопредельных регионов. Барнаул, 2019.

[23] Курапов А. А. Законотворческая деятельность калмыцкого буддийского духовенства (XVII–XIX вв.) // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 6 (85). Ч. 2. С. 262–268; *Он же*. Буддизм в Астраханском крае. Вехи истории // Буддизм России. 2008. № 41. С. 119–128; *Он же*. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве. XVII–XVIII вв. Астрахань-Элиста, 2007.

[24] Курапов А. А. Российское государство и буддийская церковь на Юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань, 2018.

[25] Тэрбиш Л. Ойрадын бурханы шашны товч туух. Улаанбаатар, 2008.

[26] Liǰei K. Oyirad-un teüke šasin-u sudulul. Urumji, 2002.

половине XIV в.[27]. Отношения между западными монголами и династией Мин затронуты в статье известного монгольского ученого Д. Ринчена[28].

Третья категория публикаций. Исследования, затрагивающие отдельные аспекты роли религии в политической и этнической истории ойратов

Собрания данных из редких источников, личные наблюдения и ценные выводы характеризуют труды таких известных отечественных специалистов, как А. М. Позднеева и Г. Ц. Цыбикова[29]. Они в основном изучали вопросы, связанные с историей монголов и ролью у них религии, и фокусировались на этнографии, религии и отдельных эпизодах истории Тибета. Интересные статьи были опубликованы Р. Н. Дугаровым[30], где отмечено значительное влияние ойратов на развитие тибето-монгольского взаимодействия.

Серьезный вклад в изучение указанных аспектов истории западных монголов внес В. П. Санчиров[31]. Отдельным вопросом в истории религии у ойратов является происхождение и значение термина «калмык» («калмак»), изучению чего посвящены публикации И. И. Дрёмова[32] и Н. В. Екеева[33].

---

[27] Jagchid S. Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty // Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies. 1971. no 2. Pp. 43–60; Jagchid S. Trade, peace and war between the nomadic Altaics and the agricultural Chinese // Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies. 1970. no 7. Pp. 35–80.

[28] Rinchen J. Sanskrit in Mongolia // Studies in Indo-Asian Art and Culture. New Delhi, 1974.

[29] Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Элиста, 1993; *Он же*. Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880; Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1–2. Новосибирск, 1991.

[30] Дугаров Р. Н. О духовной культуре кочевников Алашани (Из дневника Б.Б. Барадийна.) // Двадцать четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае. Тезисы докладов. Часть II. М., 1993. С. 102–105; *Он же*. О хошутах Соко-Саджа и их связях с тибетскими племенами в XVII–XVIII вв. // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983.

[31] Санчиров В. П. О происхождении основных ойратских этнонимов // Полевые исследования. 2013. № 1. Стр. 45–58; *Он же*. О Происхождении этнонима торгут и народа, носившего это название // Монголо-бурятские этнонимы: Сб. ст. Улан-Удэ, 1996. С. 31–50; *Он же*. «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990.

[32] Дрёмов И. И., Кольцов П. М., Имеев В. О. Калмаки и казаки в документе 1614 года// Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4 (32). С. 22–28; Дрёмов И. И., Семенова И. В. Казахи и калмаки Улытау в постзолотоордынское время // Булантинская битва: история исследований. Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау», 2015. С. 154–161; Дрёмов И. И. Калмаки Дешт-и-Кыпчака (к проблеме тюркизации и исламизации монголов в Золотой Орде) // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 96–101; *Он же*. Калмаки Средней Азии XIV–XVI веков // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. № 3. С. 104–117.

[33] Екеев Н. В. О термине «калмак» (по данным летописей и других исторических источников) // Россия и Восток: взаимодействие народов и стран. Книга 1. Труды X всероссийского конгресса востоковедов (Уфа, 7–10 октября 2015). Уфа, 2015. С. 90–93.

В трудах В. Н. Колесника, М. М. Батмаева, Е. В. Беспрозванных[34], среди прочих вопросов, обсуждается роль Далай-ламы и ламства в побеге калмыков в 1771 г. Если первые двое ученых считают, что ламы в откочевке сыграли важную роль, то Е. В. Беспрозванных уверен, что религиозный фактор был во многом ведущим в том событии; близкие к его мнению идеи представлены в работе Е. В. Дорджиевой[35]. И. В. Ерофеева также обратила внимание на «этноинтегрирующую роль тибетского буддизма среди ойратских племен»[36].

Христианизация калмыков – тема, затронутая в ряде изданий. Важными для нашего исследования стали труды Архимандрита Гурия[37]. Изучению процесса христианизации калмыков посвящена монография К. В. Орловой[38].

Малоизвестную информацию можно найти в книге Х. Хаслунда «Люди и Боги Монголии», где автор, лично посетивший торгутов Синьцзяня, указал на значение буддийского фактора в исходе калмыков[39]. М. Ходарковский более изучает калмыцкую часть ойратской истории, т. е. ойратов в России[40]. Крупным вкладом в ойратские исследования являются работы японских ученых: Ю. Ишихама, Дж. Мияваки, Х. Окада. Ю. Ишихама проделала большую работу по исследованию отношений между ойратами и Далай-ламой и статуса этого тибетского лидера[41]. Дж. Мияваки более акцентируется на периодизации ойратской истории и роли хошутов и джунгаров[42]. Х. Окада обращал внимание

---

[34] Колесник В. И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII and XVIII веках. М., 2003; Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993; Беспрозванных Е. Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград, 2008.

[35] Дорджиева Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону, 2002.

[36] Ерофеева И. В. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII – середина XIX в.) // Mongolica XVIII. СПб., 2017. С. 35–48.

[37] Гурий Архимандрит. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Калмыки. Казань, 1915; *Он же*. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Калмыки. Часть II. Распространение христианства среди калмыков. Казань, 1915.

[38] Орлова К. В. История христианизации калмыков. М., 2006.

[39] Haslund H. Men and Gods in Mongolia (Zayagan). London, 1935.

[40] Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. Cornell University Press, 1992.

[41] lshihama Y. On the dissemination of the belief in the Dalai Lama as a manifestation of the Bodhisattva Avalokitesvara // The History of Tibet. Vol. II. The Medieval Period: c. 850–1895. The development of Buddhist Paramountcy. RoutledgeCurzon, 2003. Pp. 538–553; *Idem*. New Light on the “Chinese Conquest of Tibet” in 1720 (based on the new Manchu sources) // Tibetan Studies: Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Graz 1995. Vol. 1–2. Wien, 1997. Pp. 419–426; *Idem.* A Study of the Seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Narita, 1989. Naritasan shinshoji 1992. Vol. 2. Pp. 501–514.

[42] Miyawaki J. The birth of the Oyirad khanship // Central Asiatic Journal. 1997. № 41/1. Pp. 38–75; *Idem.* History of the Dzungars: Introductory survey // History of Civilizations of Central Asia: Development in contrast: from the sixteens to the mid-nineteenth century. UNESCO Publishing, 2003. Vol. 5; *Idem*. Did a Dzungar Khanate Really Exist? // Journal of Anglo-Mongolian Society. 1987. no 10. Pp. 1–5.

на происхождение ойратов и роли Далай-ламы у монгольских народов[43]. Значительным подспорьем стали труды известных европейских специалистов: А. Бирталан[44], А. Барейя-Старжинска[45], И. Шарли[46].

Четвертая категория публикаций. Публикации, исследующие состояние буддизма в Тибете, Монголии и Китае в соответствующие периоды

Одним из первых в отечественной науке о роли у монгольских народов школ Таглун, Дрикунг и Цал писал Ю. Н. Рерих. Благодаря обстоятельному изучению вопроса, его работы[47] сохраняют свое значение до сих пор.

Труды Н. Л. Жуковской созвучны исследованиям В. Хейссига: они посвящены ранним религиозным воззрениям монголов, их взаимодействию с тибетским буддизмом, формированию «монгольского» пантеона[48]. В. Хейссиг акцентирует историческую основу распространения тибетского буддизма у монголов, и указывает на интерес цинских императоров к религиозной сфере[49]. Работам Г. С. Гороховой и Ш. Б. Чимитдоржиева присущи тщательное изучение большого массива источников, уточнение дат событий и идентификация упоминаемых в них политических и религиозных деятелей Монголии[50]. Оба исследователя выделяли религиозный фактор во взаимоотношениях между восточными и западными монголами.

---

[43] Okada H. The Third Dalai Lama and Altan Khan of the Tümed // Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Narita, 1989. Naritasan shinshoji, 1992. Vol. 2. Pp. 645–652; *Idem*. Origins of the Dörben Oyirad // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7. Wiesbaden, 1987. Pp. 181–211.

[44] Birtalan Á. An Oirat Ethnogenetic Myth in Written and Oral Traditions (A Case of Oirat Legitimacy) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2002. Vol. 55 Iss. 1–3. Pp. 69–88.

[45] Bareja-Starzynska A. The Mongolian Incarnation of Jo nang pa Tāranātha Kun dga' snying po: Öndör Gegeen Zanabazar Blo bzang bstan pa'i rgyal mtshan (1635–1723) A case study of the Tibeto-Mongolian Relationship // The Tibet Journal. Autumn & Winter 2009 / Spring & Summer 2010. Vol. XXXIV. No. 3 & 4 / Vol. XXXV. no. 1 & 2. Pp. 243–261.

[46] Charleux I. Chinggis Khan's ancestor, Buddha or Shaman? // Mongolian Studies. 2009. Vol. 30–31. Pp. 207–258.

[47] Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв. // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Статьи. Лекции. Переводы. Самара, 1999. С. 140–152; *Он же*. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII вв. // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Статьи. Лекции. Переводы. Самара, 1999. С. 153–163; *Он же.* Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. II. Статьи. Дневники. Отчеты. М., 2012. С. 48–60; *Он же*. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. Самара, 1999. С. 29–50; *Он же*. Память о тохарах в Тибете // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. Самара, 1999. С. 136–139.

[48] Жуковская Н. Л. Формы проявления культа природы в пантеоне и ритуалах ламаизма // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970; *Она же*. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977; *Она же.* Монголия. Мир кочевой культуры. М., 2014.

[49] Heissig W. The Religions of Mongolia. Routledge & Kegan Paul, 1980. P. 33.

[50] Горохова Г. С. Монгольские источники о Даян-хане. М., 1986; Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978; *Он же*. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII-XVIII вв. М., 1979.

В последние годы опубликованы труды, где тибетский буддизм, в том числе взаимодействие тибетских лам с ойратами, исследовались на высоком профессиональном уровне. Прежде всего, это публикации известного монголоведа В. Л. Успенского[51], монографии Л. Е. Беспрозванных[52] и С. Л. Кузьмина[53], диссертации М. А. Солощевой[54] и А. Г. Люлиной[55].

Один из наиболее значимых монгольских ученых Ш. Бира изучал историю распространения и развития буддизма у монгольских народов[56]. Немало материала по истории буддизма у монголов содержатся в известном «Тибетско-английском словаре» С. Ч. Даса[57] и в ряде его статей[58].

Европейские исследователи традиционно уделяют пристальное внимание истории буддизма в Тибете, Монголии и Китае: это известные исследования Х. Ховорса[59] и Э. Бретшнейдера[60]. В книге Ч. Белла «Религии Тибета»[61] даны определенные сведения о средневековом тибетском буддизме, роли монголов в политической истории Тибета. Отдельным аспектам распространения тибетского буддизма у монгольских народов посвятил статью Х. Ричардсон[62]. В работе, написанной в соавторстве с Д. Снеллгроувом[63], изучены монголо-тибетские отношения после падения Юань, основания, по которым монгольские правители решили покровительствовать Гелук.

Одним из важнейших трудов по истории тибетского буддизма является трехтомная работа Дж. Туччи «Тибетские художественные свитки»[64]. Касаясь роли ойратов в истории Страны Снегов, он выделяет вооруженную поддержку Гуши-ханом лидеров Гелук. Большая работа по изучению китайско-тибетских

---

[51] Успенский В. Л. О государстве Гуши-хана // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сборник статей. Выпуск 1. СПб., 2014. С. 52–59; *Он же*. Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011; Uspensky V. Gombojab — A Tibetan Buddhist in the Capital of the Qing Empire // Biographies of Eminent Mongol Buddhists. Halle, 2008. Pp. 59–70.

[52] Беспрозванных Е. Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград, 2001.

[53] Кузьмин С. Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб., 2010.

[54] Солощева М. А. Политика империи Цин в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна (1723–1735 гг.). Дисс… к.и.н. СПб., 2014.

[55] Люлина А. Г. Тибетские институты власти и цинская система администрирования: особенности взаимодействия (середина XVII – конец XVIII вв.). Дисс… к.и.н. М., 2016.

[56] Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М., 1978; *Он же*. О «Золотой книге» Ш. Дамдина. Улан-Батор, 1964.

[57] Das S. Ch. A Tibetan-English Dictionary with Sanskrit synonyms. Calcutta, 1902.

[58] Das S. Ch. Rise and Progress of Buddhism in Mongolia (Hor) // JASB. 1882. no 51. Pp. 58–75. Репринт: Tibetan Studies: Sarat Chandra Das. Calcutta and New-Delhi, 1984. Pp. 149–161.

[59] Howorth H. History of the Mongols from the IX-th to the XIX-th Century. Pt. l. The Mongols proper and the Kalmuks. London, 1876.

[60] Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic sources. London, 1888.

[61] Bell Ch. The Religion of Tibet. New Delhi, Madras, 1992.

[62] Richardson H. E. The Karma-Pa Sect. A Historical Note // Journal of the Royal Asiatic Society. 1958. October. Pp. 139–164.

[63] Snellgrove D., Richardson H. A Cultural History of Tibet. New York – Washington, 1968.

[64] Tucci G. Tibetan Painted Scrolls. Vol. 1–3. Roma, 1949.

отношений в XVII в. проведена З. Ахмадом, чей труд «Китайско-тибетские отношения в XVII в.»[65] до сих пор является одним из наиболее важных по теме.

Л. Петек своей капитальной монографии «Китай и Тибет в начале XVIII в.: история становления китайского протектората в Тибете»[66] обратился к вопросу тибетско-цинских отношений, укреплению маньчжурами своих позиций в Лхасе, и месту ойратов в тех событиях. Тибетско-монгольские религиозные контакты – тема исследования Х. Кармая[67]. Г. Серрайс исследовал монголо-китайские и ойрато-китайские отношения в эпоху Мин и дал имена буддийских монахов, пребывавших среди ойратов в указанный период[68]. В 2003 г. под редакцией известного тибетолога А. Маккейя вышло трехтомное издание по истории Тибета, куда вошли отобранные публикации, изданные за последние более чем 100 лет. Для нас полезным оказался 2-й том, в материалах которого события, связанные с ойратами, получили должное освещение[69].

В своем исследовании Л. Квантен обратил специальное внимание на войну 1285 – 1290 гг. в Тибете между школами Дрикунг Кагью и Сакья, и указал на участие в ней ойратов на стороне Кагью[70]. Отношениям между тибетцами, монголами и маньчжурами в первой половине XVII в. посвящены публикации Д. Фагуара[71] и С. Группера[72]. Работы Э. Сперлинга отличает глубокий всесторонний анализ источников и материалов на тибетском и китайском языках, а фундаментальные познания в истории Тибета и сопредельных регионов позволяют с полным доверием относиться к сделанным им выводам[73].

П. Швигер изучил большой объем тибетских материалов, способствующие лучшему пониманию тибетской структуры власти и управления, и

---

[65] Ahmad Z. Sino-Tibetan relations in the seventeenth century. Roma, 1970.

[66] Petech L. China and Tibet in the early XVIIIth century: history of the establishment of Chinese protectorate in Tibet. Second, revised edition. Leidenl, 1972.

[67] Karmay H. Early Sino-Tibetan Art. Aria & Phillips ltd., 1975.

[68] Serruys H. Sino-Mongol Trade During the Ming // Journal of Asian History. 1975. Vol. 9. no 1. P. 44.

[69] The History of Tibet. Vol. II. The Medieval Period: c. 850–1895. The development of Buddhist Paramountcy / ed. by Alex McKay. RoutledgeCurzon, 2003.

[70] Kwanten L. H. M. Tibetan-Mongol Relations during the Yuan Dynasty. 1207–1368. PhD diss. University of South Carolina Press, 1972.

[71] Farquhar D. M. Emperor as Bodhisattva in the Governance of the Ch'ing Empire // Harvard Journal of Asian Studies. 1978. Vol. 38. no 1. Pp. 5–34.

[72] Grupper S. M. Manchu Patronage of Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dinasty // Journal of Tibetan studies. 1984. no. 4. Pp. 47–76.

[73] Sperling E. Pho-lha-nas, Khang-chen-nas, and the last era of Mongol domination in Tibet // Rocznik Orientalistyczny. 2012. T. 65. Z. 1. S. 195–211; *Idem*. The Tibet-China conflict: History and Polemics. Washington, 2004; *Idem*. Notes on References to 'Bri-Gung-pa- Mongol Contact in the Late Sixteenth and Early Seventeenth Centuries // Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Narita, 1989. Naritasan shinshoji 1992. Vol. 2. Pp. 741–750; *Idem*. Lama to the King of Hsia // Journal of Tibetan studies. 1987. Vol. 2; *Idem*. The 1413 Ming Embassy to Tsong-Kha-pa and the Arrival of Byams-chen Chos-rje Shakya Ye-Shes at the Ming court // Journal of Tibetan Studies. 1982. Vol. 2. Pp. 105–108.

воздействие на нее цинских властей в XVII – XVIII вв.[74]. Ойраты им не изучались отдельно, но представлен религиозный контекст, проявлявшийся в деятельности Галдана Бошогту-хана.

Значительным подспорьем для ученых, изучающих тибетский буддизм, стал выпуск специального тома по истории Тибета[75]. Важные работы, с использованием большого массива оригинальных источников, издают тибетские ученые. Для настоящей диссертации существенные данные и идеи были почерпнуты из трудов К. Дондупа, Добум тулку, Геше Лодро[76].

Пятая категория публикаций. Работы по специфическим или малоизученным аспектам буддизма, публикации общетеоретического характера

Китай оказывал значительное воздействие на политику ойратов, в т. ч. на религиозную ситуацию в их государствах. Существенную помощь в понимании теоретических основ китайской дипломатии и представлений о роли государства оказали труды А. С. Мартынова[77]. Влиянию династий Мин и Цин на лам посвящены работы Ц. П. Пурбуевой и Т. Д. Скрынниковой[78].

Особо следует отметить толкование буддийских религиозных понятий, символов, практик, представлений и т. п. (того, что также входит в понятие «буддийский фактор»), как они показаны в специальной литературе. Для раскрытия их содержания и значения были привлечены такие труды, как Энциклопедический словарь «Индо-тибетский буддизм» и другие труды известного буддолога В. П. Андросова[79], а также «Принятие посвящения Калачакры»[80], «Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии. Сакральные

---

[74] Schwieger P. The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. New-York, 2015.

[75] The Tibetan History Reader / ed. by Tuttle Gray and Schaeffer Kurtis R. New York, 2013.

[76] Dhondup K. The Water-Horse and Other Years. A History of XVII-th and XVIII-th Century Tibet. Dharamsala: LTWA, 1984; Doboom T. L. T. A Brief History of Drepung Monastery. Translated by Alexander Berzin and Khamlung Rinpoche, 1974. URL: http://www.berzinarchives.com/web/en/archives/study/history_buddhism/buddhism_tibet/gelug/brief_history_drepung_monastery.html; Geshe G. Lodro. Geschichte der Kloster-Universitat Drepung. Wiesbaden, 1974.

[77] Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978; *Он же*. С. Значение приезда послов в императорском Китае // Государственное и этническое в императорском Китае: избранные статьи и переводы. М., 2019. С. 41-53; *Он же*. Государство и религии на Дальнем Востоке // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М., 1987.

[78] Пурбуева Ц. П. «Биография Нейджи-тойна» как источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск, 1984; Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI — начало XX века. Новосибирск, 1988.

[79] Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М., 2011; *Он же*. Очерки изучения буддизма Древней Индии. М., 2019; *Он же*. Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды. В 2-х т. Т. 2. М., 2018.

[80] Берзин А. Принятие посвящения Калачакры. СПб., 2002.

объекты»[81], «Дело Шугдена»[82], «Сандаловый Будда»[83]. В понимании политического контекста буддийского фактора большую помощь оказали труды М. Эйриса[84], П. А. Бергер[85], Х. Кабезона[86], и др. Цинской имперской идеологии, где должное внимание уделяется взаимодействию с духовным миром и мировоззрению монголов, посвящены монографии П. Кроссли[87] и М. У. Кинга[88].

По Д. Снису, изучившему политическую организацию кочевников, нет особенных различий между высоко централизованным, стратифицированным «государственным» обществом и эгалитарным, «племенным» обществом, основанным на родственных связях[89]. П. О. Рыкин исследует идентичность ранних монголов и заключает, что этноним «монгол» вначале был политическим конструктом для объединения подданных Чингисхана[90].

Потенциал и роль цивилизации в истории излагаются в трудах Ф. Броделя, А. Дж. Тойнби, Ш. Эйзенштадта[91]. А. Тойнби выделял религиозный потенциал цивилизаций, обращая внимание на социальные контакты в истории. Ш. Эйзенштадт изучал взаимодействие религии и политики, его работы ценны и с точки зрения используемых методологических приемов; то же следует отметить в отношении труда Ф. Броделя.

Шестая категория публикаций. Труды, изучающие соседние регионы, народы и культуры

Масштабные исследования по истории монгольских народов, их общественному строю и значению религии в истории Монголии, были проведены

---

[81] Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии. Сакральные объекты. М., 2015.

[82] Дрейфус Д. Дело Шугдена: истоки раскола. URL: http://dalailama.ru/messages/shugden/897-shugden-affair-part-i.html

[83] Терентьев А. А. Сандаловый Будда // Буддизм России. 2008. № 41. С. 102–112.

[84] Aris M. Hidden Treasures and Secret Lives: A Study of Pemalingpa, 1450–1521, and the Sixth Dalai Lama, 1683–1706. Shimla, 2015.

[85] Berger P. A. Empire of Emptiness: Buddhist Art and Political Authority in Qing China. University of Hawaii Press, 2003.

[86] Cabezón J. I., Geshe L. D. Freedom from Extremes. Studies in Indian and Tibetan Buddhism. Gorampa's "Distinguishing the Views" and the Polemics of Emptiness. Wisdom Publications Inc., 2007.

[87] Crossley P. K. A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. University of California Press, 1999.

[88] King M. W. Ocean of Milk, Ocean of Blood. A Mongolian Monk in the Ruins of the Qing Empire. Columbia University Press, 2019.

[89] Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia. Columbia University Press, 2007.

[90] Рыкин П. О. Этническая идентичность средневековых монголов как политический конструкт: опыт анализа источников // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.) Санкт-Петербург, 2014. С. 248–294; *Он же*. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. Acta Eurasica. 2002. № 1 (16). С. 48–85.

[91] Бродель Ф. Время мира. М., 1992; Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991; Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations and multiple modernities. Part 1. Leiden, 2003; Eisenstadt S. N. Revolutions and the Transformation of Societies. New York, 1978.

Б. Я. Владимирцовым, которому удалось представить цельное полотно событий и фактов, процессов и перемен, формировавших эти народы, их политическую и иную культуру[92]. Вопросам истории монгольских народов уделял значительное место в своих капитальных работах В. В. Бартольд, в основном использовавший тюркоязычные источники. Касаясь обращения ойратов в буддизм, он не указывал начало этого процесса, но отметил, что «курултай 1640 г. … прочно утвердил у всех ветвей калмыков господство буддизма»[93].

Полезными для нас оказались коллективные монографии и сборники статей, где авторы В. С. Мясников, Н. В. Шепелева, А. Ходжаев, И. А. Празаускене, изучавшие разные периоды истории Китая, касались истории и культуры ойратов и калмыков в контексте русско-китайских и тюрко-монголо-китайских отношений[94]. Серьезным подспорьем при исследовании политики Цин в отношении кочевников стала книга О. Е. Непомнина «История Китая. Эпоха Цин XVII – начало XX века»[95]. Из западных работ подобным вопросам посвящена коллективная монография «Китай среди равных»[96].

Капитальным изданием стала «Энциклопедия Монголии и Монгольской империи» К. Этвуда, где ойратам уделено достаточно внимания, в т. ч. вопросам истории их государственных образований, этнического состава в разные периоды, роли буддизма[97]. Другие его работы также являются образцами тщательного исследования проблемных мест в истории монгольских народов[98].

Вопросы, имеющие отношение к изучаемой нами теме, затрагиваются в работах казахстанских и киргизских ученых. Ж. Кундакбаева изучает семантику терминов «ойрат» и «калмык», взаимодействие калмыков и казахов[99]. И. В. Ерофеева известна публикациями по жизнеописанию хана Абулхаира и ойратским буддийским строениям в современном Казахстане[100], А. Мокеев в монографии, посвященной истории киргизов (кыргызов), обсуждает их

---

[92] Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос // Джангар. Материалы и исследования. М., 2004. С. 52–108; *Он же*. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002.

[93] Бартольд В. В. Калмыки // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 539.

[94] Государство и общество в Китае. М., 1978; Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.

[95] Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин XVII – начало XX века. М., 2005.

[96] China Among Equals. Berkeley: University of California Press, 1983.

[97] Atwood Ch. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Fact on Line, Inc., 2004;

[98] Atwood Ch. The administrative origins of Mongolia's 'tribal' vocabulary // Eurasia: Statum et Legem. 2015. № 1(4). Pp. 7–45; *Idem*. Titles, appanages, marriages, and officials: a comparison of political forms in the Zunghar and Thirteenth Century Mongol empires // The History of Mongolia. Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period. Global Oriental, 2006. Pp. 610–634.

[99] Кундакбаева Ж. Б. «Знаком милости Е.И.В.» Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М., 2005; *Она же*. Семантика терминов «ойрат и «калмык» в трудах русских востоковедов // Вестник КазНУ. Серия Востоковедение. 2002. № 1. С. 6–10.

[100] Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы, 2007; *Она же*. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII – середина XIX в.) // Mongolica XVIII. СПб., 2017. С. 35–48.

взаимодействие с джунгарами[101]. Отмеченные работы, основанные на известных или малоизученных источниках, отражают особенности оценок научными сообществами этих стран отдельных страниц совместной истории их народов с западными монголами. Важными для понимания истории ойрато-казахских отношений стали монографии В. А. Моисеева[102], в контексте политики Китая в Центральной Азии – работы К. Ш. Хафизовой[103].

Известная работа В. Д. Шакабпы посвящена истории Тибета[104], и вопросы, относящиеся к истории ойратов и монголов, получили незначительное освещение; тем не менее, благодаря использованию редких источников, она предоставляет уникальные данные для специалистов. Ценные сведения были почерпнуты из обобщающих работ по истории и культуре Центральной Азии: «История Монголии» в 3-х томах[105], «Тибетцы» М. Капштейна[106], «Монголы, тюрки и другие»[107], «Исторический словарь Тибета»[108], «Историческая энциклопедия Монгольской империи»[109], из публикации А. М. Хазанова[110], а также из трудов по истории ислама[111].

Таким образом, имеются работы, рассматривающие историю ойратов периода чороской династии, Джунгарии, Калмыцкого и Хошутского ханств, однако нет трудов, где бы обсуждались особенности и возможности влияния на политическую и этническую историю ойратов буддийского фактора. Несмотря на наличие множества публикаций, изучающих политическую и этническую историю ойратов, они фиксируют во многом событийный ряд и фактологию. Ракурс нашего исследования предоставил новые возможности для научного поиска, когда стали возможны не только изучение влияния буддийского фактора на политическую и этническую историю ойратов (внутренняя

---

[101] Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек, 2010.

[102] Моисеев В. А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 22–43; *Он же*. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV–XVIII вв. // Востоковедные исследования на Алтае. Сб. статей. Барнаул, 1994. С. 4–40; *Он же*. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991.

[103] Хафизова К. Ш. Хан Даваци и буддизм // Буддизм ваджраяны в России. Традиции и новации. М.: Издательство Алмазный путь, 2016. С. 282–286; *Она же*. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XV–XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995; *Она же*. Цинская империя и казахские ханства. Алма-Ата, 1989.

[104] Shakabpa T. W. D. One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet. Vol. 1. Leiden, Boston, 2010.

[105] The History of Mongolia. Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period. Global Oriental, 2010.

[106] Kapstein M. T. The Tibetans. Malden, Blackwell, 2006.

[107] Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World. Brill, 2005.

[108] Powers J., Templeman D. Historical Dictionary of Tibet. The Scarecrow Press, Inc., 2012.

[109] The Mongol Empire: A Historical Encyclopedia. In 2 vols. ABC-CLIO, 2016.

[110] Khazanov A. M. The Spread of World Religions in Medieval Nomadic Societies of the Eurasian Steppes // Nomadic Diplomacy, Destruction and Religion from the Pacific to the Adriatic. Toronto, 1994. Pp. 11–34.

[111] Islam and Tibet – Interactions along the Musk Routes / ed. by Anna Akasoy, Charles Burnett, Ronit Yoeli-Tlalim. Ashgate, 2011; The Encyclopaedia of Islam. Vol. 5. Leiden: Brill, 1982.

мотивация), но также концептуализация его потенциала как основополагающего для возможностей стороннего воздействия (внешняя мотивация).

1.2. Источниковедческая база исследования

В диссертации в качестве источников использованы: архивный материал, работы на тибетском языке, а также переведенные на русский и западные языки источники с тибетского, китайского, маньчжурского, тюркских и других языков. Некоторые источники (например, отдельные документы из архивов) впервые вовлекаются в научный оборот, либо впервые анализируются с точки зрения заявленной темы. В работе также представлены русскоязычные, ойратские, восточномонгольские и европейские источники.

Источники сгруппированы по языковому принципу, прежде дается использованный архивный материал.

Первая группа источников: архивные документы и материалы

Нами использованы документы из архивов: Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Национального архива Республики Калмыкия (НАРК).

Материалы из хранилищ АВПРИ (фонды «Зюнгорские дела», «Калмыцкие дела», «Китайский стол», «Сношения России с Китаем», «Азиатские дела») часто используются при изучении истории ойратов, однако изученные нами документы либо не вовлекались в научный оборот ранее, либо их использование, ввиду специфики содержащейся в них информации, было ограничено. В фондах есть отчеты о поездках к ойратам и калмыкам, сведения о важных событиях, информация о религиозной ситуации у западных и восточных монголов, о взаимоотношениях Китая и ойратов.

Аналогичные материалы имеются в РГАДА (фонды «Китайские дела», «Зюнгорские (контайшины) дела», «Калмыцкие дела»), они касаются периода до начала XVIII в. В архиве хранятся шертные грамоты, письма от ойратских и калмыцких правителей, документы, касающиеся активности лам у этих кочевников, и дипломатические отчеты о контактах с их лидерами.

Редкие документы содержатся в фондах Национального архива Республики Калмыкия (НАРК), которые не всегда привлекались исследователями к работе. Часть из них дублирует сведения, которые хранятся в АВПРИ и РГАДА, но отдельные дела ценны деталями.

Ряд важных документов по теме содержится в опубликованных сборниках: «Русско-китайские отношения в XVII в.»[112], «Русско-китайские отношения в XVIII в.»[113]; «Русско-монгольские отношения»[114].

Анализ документов из указанных фондах, а также опубликованных, позволил изучить взаимодействие власти и религии, влияние событий и

---

[112] Русско-китайские отношения в XVII веке. Документы и материалы. Том 2. 1686–1691. М., 1972.

[113] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Том 1. 1700–1725. М., 1978; Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Том 6. 1752–1765. М., 2011.

[114] Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов. М., 1974; Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов. М., 2000.

процессов, происходивших в сфере политики, на состояние религии и роль ламства, и наоборот: влияние лам на власть, религию, политику ойратов и др. Извлеченные из документов отдельные переводы (уточнения), обороты речи, пояснения и т. п. были важны для понимания действий власти и сангхи, роли буддийского фактора в политической и этнической истории ойратов.

В зарубежных архивных центрах удалось не только ознакомиться со сборниками документов и материалов, но также получить бесценные комментарии и иную помощь со стороны работников этих учреждений. В ходе поездок в Пекин (Китайский тибетологический исследовательский центр – CTRC, КНР) и Дхарамсалу (Библиотека тибетских работ и архивов – LTWA, Индия) автор ознакомился с отдельными источниками как в оригинале, так и в виде публикаций. Редкие документы изданы в «Собрании исторических архивов Тибета»[115], охватывающем период со времен династии Юань до конца XX в. В Пекине удалось поработать и с таким ценным источником, как «Биография Пхоланая» Церинга Вангьяла[116], современника Пхоланая, возглавлявшим Тибет в первой половине XVIII в. В Дхарамсале в Библиотеке собраны коллекции работ тибетских деятелей, изданных в Индии. Важными источниками для нас стали труды (например, «История Тибета» Далай-ламы Пятого), которые ниже проанализированы в разделе тибетских источников.

Вторая группа источников: тибетоязычные работы, в том числе в переводе на русский и европейские языки

Работы на тибетском являются принципиальными для исследования, поскольку они предоставляют важнейшие сведения для изучения роли буддийского фактора в политической и этнической истории ойратов, что позволяет ответить на ряд сложных вопросов по их прошлому. Эти источники, благодаря своему ценному, зачастую – уникальному содержанию, при сопоставлении с другими данными, позволяют идентифицировать этнические группы ойратов, отдельных лиц, взаимодействовавших с буддийскими иерархами и школами Тибета, развитие их сотрудничества и др.

Важным источником для изучения ранних контактов ойратов с тибетскими ламами стала работа «Красные анналы» (1346) Цепа Кунги Дордже[117]. В качестве источников он привлекал тибетские, монгольские и китайские хроники, частью не дошедшие до нас. Эта работа ценна описанием первого знакомства ойратов и монголов с тибетским буддизмом; она крайне редко используется в отечественной историографии. Важные сведения дает труд Паво Цуглака «История учения – пир мудрецов»[118] (1564), где приводится информацию о встрече Чингисхана с ламами направления Цал Кагью в государстве тангутов (Си Ся). «История учения – пир мудрецов» также редко используется, хотя на ее значение указывали многие специалисты.

---

[115] A Collection of Historical Archives of Tibet. Beijing, 1990.
[116] Zhabs drung tshe ring dbang rgyal. Mi dbang rtogs brjod. Chengdu, 1981.
[117] Tshal pa kun dga rdo rje brtsams. Deb ther dmar po. Beijing, 1981.
[118] Dpa' bo gtsug lag phreng bas brtsams pa. Dam ma'i chos kyi 'khor lo bsgyur ba rnams kyi byung ba khsal bar byed pa mkhas pa'i dga' ston. Vol. 1–2. Beijing, 1986.

Среди тибетоязычных источников выделяются три работы Далай-ламы Пятого Нгаванг Лобсан Гьяцо: «Автобиография Далай-ламы Пятого»[119], «История жизни благословенного Соднама Гьяцо – Биография Далай-ламы Третьего»[120], и «История, рассказывающая о деяниях высших царей и министров на земле Страны снегов – История Тибета»[121].

«История, рассказывающая о деяниях высших царей и министров на земле Страны снегов» (1643) известна и как «Книга Пятого Далай-ламы – История Тибета». По содержанию это единый рассказ, основывающийся на ранних хрониках и трудах, например, Паво Цуглака и Кунги Дордже, завершающийся описанием деяний «царя» Гуши-хана. «Биография Далай-ламы Третьего» (1646) важна не только описанием жизни Далай-ламы Третьего Соднама Гьяцо, но и упоминанием этнических групп монголов, и рассказом о его встрече с ойратами в регионе севернее Лхасы. Первый том «Автобиографии Далай-ламы Пятого» охватывает период становления власти Далай-ламы и роль в этом процессе монгольских народов, в т. ч. ойратов, создание им системы управления и миротворческое посредничество между монгольскими народами и маньчжурами. Сочинениям Далай-ламы присуща тщательность подбора фактов, раскрытие деталей; они дают ценный материал по влиянию тибетских иерархов на ойратов и на их взаимодействие с восточными монголами и маньчжурами. В работе использована «Биография Далай-ламы Пятого» дипы (дэсрида, регента) Сангье Гьяцо – труд, известный как «Четвертый том Автобиографии Далай-ламы Пятого»[122]. В нем описываются последние месяцы жизни Далай-ламы, дается редкая информация о визитах к нему ойратов.

Использован и такой редкий источник, как «Биография Пхоланая»[123] Церинга Вангьяла (1697 – 1763), который был знаком с Пхоланаем; они касались периода джунгарской оккупации Лхасы, прихода Пхоланая к власти и его деятельности. Этот труд крайне редко привлекается исследователями, возможно, по причине его библиографической редкости и трудностей с переводом.

Кончог Танпа Рабгье (1801 – ?) известен своим трудом «Книга-океан» (также известен как «Дэбтэр-джамцо», написан в 1833 – 1865 гг.). Сочинение

---

[119] Ngag dbang blo bzang rgya mtsho mdzad. Rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i rnam thar du ku la'i gos bzang. Vol. 1. Lhasa, 2012; Ngag dbang blo bzang rgya mtsho mdzad. Rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i rnam thar du ku la'i gos bzang. Vol. 3. Lhasa, 2012.

[120] Ngag dbang blo bzang rgya mtsho. Rje btsun thams cad mkhyen pa bsod nams rgya mtsho'i rnam thar dngos grub rgya mtsho'i shing rta zhes bya ba bzhugs so // 'Phags pa 'jig rten dbang phyug gi rnam sprul rim byon gyi 'khrugs rabs deb ther nor bu'i 'phreng ba. Vol. 1. Dharamsala, 1977.

[121] Ngag dbang blo bzang rgya mtsho. Gangs can yul gyi sa la spyod pa'i mtho ris kyi rgyal blon gtso bor brjod pa'i deb ther. Delhi, 1967.

[122] Sangs rgyas rgya mtsho. Life of the Fifth Dalai lama. Vol. IV. Transl. by Zahiruddin Ahmad. Aditya Prakashan, 1999.

[123] Zhabs drung tshe ring dbang rgyal. Mi dbang rtogs brjod. Chengdu, 1981. Миванг Пхоланай (1689 – 1747) правил Тибетом в 1728 – 1747 гг.

дает сведения об ойратах, которые с давних пор кочевали в том месте; Р. Н. Дугаров перевел текст на русский и издал с комментариями[124].

В работе использована информация из «Истории буддизма в Монголии» («Hor chos 'byung») Гуши Лобсан Цэмпела в переводе на немецкий Г. Хута[125]. Важный источник – «Пагсам-джонсан»[126] (1748) – капитальная хроника, написанная известным буддийским деятелем Сумба Хамбо Еше Палджор (1704 – 1788), чьи сведения позволяют представить целостную картину распространения, укрепления и роли буддизма у западных монголов. В работе нами также использовался перевод на английский, сделанный Хо-Чин Янгом[127].

Третья группа источников: монгольские (восточномонгольские) и ойратские источники

Для исследования ранних событий истории ойратов нами привлечен такой ценный памятник, как «Сокровенное сказание монголов»[128]. Он давно используется историками как содержащий во многом уникальный и важный материал об эпохе Чингисхана, его потомков и окружения.

При обращении к вопросам по этнической историей ойратов, ее раннего этапа, исследователи обычно обращаются к знаменитой работе «Эрдэнийин тобчи»[129] (1662) Саган Сэцэна (1604 – 1662), где довольно подробно излагается противостояние между восточными и западными монголами. Нами использован текст, изданный И. де Рахевильцем и Дж. Р. Крюгером[130].

События, проливающие свет на политическую историю ойратов XV – XVI вв., содержатся в «Шара туджи» – известном памятнике середины XVII в.[131] В нем есть информация о происхождении ряда ойратских народов: хошутов (хошигуты), торгутов, чоросов (цорос) и хойтов. При написании работы автор опирался на перевод, выполненный А. Д. Цендиной[132].

---

[124] Дугаров Р. Н. «Дэбтэр-Чжамцо» — источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск, 1983.

[125] Huth G. Hor chos 'byung. (Geschichte des Buddhismus in der Mongolei). Vol. 1. Strassburg, 1892; Vol. 2. Strassburg, 1896.

[126] Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета. Пер. с тиб. яз., предисл., коммент. Р.Е. Пубаева. М., 1991.

[127] Sum-pa mkhan-po Ye-shes dpal-’byor. The annals of Kokonor / Tranl. by Ho-Chin Yang. Bloomington, 1969.

[128] Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. «Юань чао би ши». М. – Л., 1941.

[129] Полное название — «Qaγad-un ündüsun-ü erdeni-yin tobčii-a kemekü orosiba» («Драгоценный свод сведений о происхождении ханов», обычно именуется «История монголов Саган Сэцэна»).

[130] Saγang Sečen. Erdeni-yin Tobči (‘Precious Summary’). A Mongolian Chronicle of 1662. Canberra: Australian National University, 1990.

[131] Сочинения известно как «Erten-ü mongγol-un qad-un ündüsün-ü yeke sir-a tuγuji orosiba» — «Великая желтая история о происхождении древних монгольских ханов» (*далее* – «Желтая история»). Впервые текст был переведен Н. П. Шастиной.

[132] Желтая история (Шара туджи). Пер. с монг., транслитер., введ. и комм. А.Д. Цендиной. М., 2017.

Существует две версии источника «Алтан тобчи»[133], обе содержат данные из тибетских работ (например, из «Биографии Далай-ламы Третьего») и более ранних монгольских источников. Первый «Алтан тобчи» (от анонимного автора) был написан в течение первой четверти XVII в.[134], второй (Лубсана Данзана) – около 1665 г.[135] Оба текста содержат редкие сведения по истории ойратов, иногда их данные дополняют друг друга.

В летописи «Эрдэнийн эрихэ»[136] Галдан-тусалагчи (1860-е гг.) об ойратах даются общие сведения, в основном в связи с политическими событиями. «Жемчужные четки»[137] (XIX в.) – важный источник по истории монголов, где дается изложение их истории раннего периода[138]. Для нашей работы интересными являются данные о монголо-ойратских войнах, о потомках Хабуту-Хасара – брата Чингисхана, о религиозных предпочтениях хагана Лигдана. Источником аналогичного значения является «Драгоценная полупрозрачная сутра»[139] (1607 г.), где излагаются события из жизни Алтан-хана[140].

Ойратские источники принципиальны для настоящей работы. Хотя они всегда привлекались исследователями по истории ойратов и калмыков, их новая интерпретация используемыми методологическими подходами предоставляет эвристические возможности для раскрытия темы.

Ценные сведения о раннем составе ойратов (об их конфедерациях) есть в «Происхождении торгутов»[141] – уникальном источнике, содержащем сведения о происхождении этих ойратов[142]. Автор «Истории Хо-Орлока» (Qo Ö rlög-ün tüüke) (вторая пол. XVIII в.) неизвестен. В тексте отмечаются главные события в истории ойратов (например, отделение торгутов), и, возможно, самая важная информация – это краткий обзор состава ойратских конфедераций[143].

---

[133] Полное название — «Erten-ü qad-un ündüsülegsen törö yosun-u ǰokiyal-i tobčilan quriyaɣsan altan tobči kemekü orošibai»

[134] Гомбоев Г. Алтан тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойратами. Труды восточного отделения императорского археологического общества. Часть 6. 1858.

[135] Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введ., комм. и приложения Н. П. Шастиной. М., 1973.

[136] Позднеев А. М. Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ. Подлинный текст с переводом и пояснениями. Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.

[137] Эта работа также известна как «Subud erike kemekü bičig»

[138] Elverskog J. The Pearl Rosary. Mongol Historiography in Early Nineteenth Century Ordos. The Mongolia Society, Inc., 2007.

[139] Полное название этой работы: «Erdeni tunumal neretü sudur orosiba».

[140] Elverskog J. The Jewel Translucent Sutra. Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Leiden-Boston, 2003.

[141] Полное название этой работы: Ünen süǰigtü qaγucin Torγud kiged Čing sedkiltü šine Torγud-ud-un qaγan noyad-un uγ ündüsün-ü iledkel teüke-yin bičig. Возможно, окончательно она была записана в XIX в.

[142] Родословная торгутских ханов и князей. «Торгудын гарулга». («Происхождение торгутов») // Санчиров В. П. Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста, 2016. С. 85–125.

[143] История Хо-Орлока // Санчиров В. П. Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста, 2016. С. 24–35.

Для изучения раннего этапа распространения учения Гелук у ойратов и восточных монголов, редкие сведения были почерпнуты из «Биографии Нейджи-тойна»[144] (1739) – работы, изучающей жизнь и деятельность этого знаменитого ойратского монаха[145]. Безусловно ценна своими сведениями «Биография Зая-пандиты»[146] (1691 г.), которая является сводом событий XVII в., в которые был вовлечен хошутский Зая-пандита[147].

В отдельных источниках излагаются малоизвестные события из истории ойратов: их происхождение, миграции, роль отдельных личностей и др.; это «Сказание о дербен-ойратах» (1819, написано Батур-Убуши Тюменем)[148] и «Сказание об ойратах» (1737, написано Габан Шарабом)[149].

Четвертая группа источников: тюрко-персидские источники

Важнейшие сведения об ойратах периода монгольских завоеваний содержатся в «Сборнике летописей»[150] персидского государственного деятеля и историка Рашид-ад-дина (ок. 1247 – 1318): о прежнем месте жительства ойратов, их этническом составе, роли в период Хулагуидов и др. Ценные данные приводит в своем труде о Чингисхане и его потомках Джувейни (1226 – 1283)[151]. Многие события монгольской и последующей эпох излагаются в труде известного персидского историка Хондемира (1475 – 1534)[152].

Важными источниками являются «Тарих-и Рашиди» (XVI в.) Мирзы Мухаммада Хайдара (1499 – 1551)[153] и «Шаджаре-и Таракиме» («Родословная туркмен») Абу-л-Гази (1603 – 1664)[154]. «Тарих-и Рашиди» (1546 г.) описывает отношения между калмаками и тюркскими народами. В «Родословной туркмен» (1661 г.) есть записи о торгутах. Нами использован и труд Шах-Махмуд

---

[144] Полное название: «Bogda Neyici-toyin dalai Manjusri-yin domog-i todorqay-a geyigulugci cindamani erike kemeg-deku orosiba» («[Книга], именуемая "Четки чиндамани", ясно освещающая историю богдо Нейджи тойна Далай Манджушри»), также известна как «Чиндамани эрикэ».

[145] Пурбуева Ц. П. «Биография Нейджи-тойна» как источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск, 1984.

[146] Полное название: «Ram byam Za-ya pandidayin tuuji sarayin gerel kemeku orosiba».

[147] Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии). Элиста, 1999.

[148] Тюмень Батур У. Сказание о дербен ойратах // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 2003. С. 125–154.

[149] Габан Ш. Сказание об ойратах // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 2003. С. 84–107.

[150] Рашид-ад-дин Фазль-Аллах Абу-ль-Хайр Хамадаин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т. 1. Кн. 1; *Он же*. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т. 1. Кн. 2; *Он же*. Сборник летописей. М.-Л., 1960. Т. 2; *Он же.* Сборник летописей. М.-Л., 1946. Т. 3.

[151] Джувейни Ала-ад-дин. Чингисхан. История завоевателя мира / пер. текста с англ. на рус. язык Е. Е. Харитоновой. М., 2004.

[152] Хондемир. История монголов. От древнейших времен до Тамерлана / Пер. с персид. СПб., 1834.

[153] Хайдар Мирза М. Тарих-и Рашиди. Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой. Л. М. Епифановой. Ташкент,1996.

[154] Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М. – Л., 1958.

Чураса[155], где есть упоминания об ойратах XVI – XVII вв. Ценные сведения содержатся в собраниях арабских, персидских и тюркских сочинений XV – XVIII вв.[156], отрывки из арабских сочинений о монголах и ойратах стали известны из статей Ю. Пфейффер[157], И. Ланды[158], М. Хоупа[159], М. Ирвина[160].

Пятая группа источников: китайские и маньчжурские источники

Эта группа все еще нуждается в дальнейших изысканиях и компаративном анализе, т. к. излагаемые в них описания событий могут отличаться от сведений из тибетских, монгольских, тюркских, русских источников. Тем не менее, информация из китайских (периода династии Мин) и маньчжурских (периода династии Цин) источников дают уникальные сведения о значении буддийского фактора в истории западных монголов.

Важные данные о роли буддизма в политической истории ойратов содержатся в «Цин шилу чжуньгээр шиляо чжайбянь» («Материалы из цинских «Правдивых записей» по истории Джунгарии») (далее – «Цин шилу»)[161]. Часть их была ранее переведена на русский язык и опубликована А. С. Мартыновым[162], отдельные документы переведены с китайского языка и изданы в совместной публикации[163]. Малоизвестные сведения об ойратах даются в «Мэн-гу-ю-му-цзи» («Записки о монгольских кочевьях»)[164].

---

[155] Чурас Шах-Махмуд. Хроника. / Критич. текст, пер., комм., исслед. и указ. О. Ф. Акимушкина. М., 1976.

[156] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.-Л., 1941; *Он же*. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884; Кухистани М. б. У. Тарих-и Абу-л-Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969.

[157] Pfeiffer J. Confessional ambiguity vs. confessional polarization: politics and negotiations of religious boundaries in the Ilkhanate // Politics, Patronage and the Transmission of Knowledge in 13th–15th century Tabriz. Leiden, Boston, 2014. Pp. 129–168; *Idem*. Reflections on a 'Double rapprochement': conversion to Islam among the Mongol elite during the Early Ilkhanate // Beyond the legacy of Genghis Khan. Brill, 2006. Pp. 369–389.

[158] Landa I. Oirats in the Ilkhanate and the Mamluk Sultanate in the Thirteenth to the Early Fifteenth Centuries: Two Cases of Assimilation into the Muslim Environment // Mamluk studies review. 2016. Vol. XIX. Pp. 149–191. URL: http://mamluk.uchicago.edu/MSR_XIX_2016_Landa.pdf

[159] Hope M. The "Nawrūz King": the rebellion of Amir Nawrūz in Khurasan (688–694 / 1289–94) and its implications for the Ilkhan polity at the end of the thirteenth century // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. October 2015. Vol. 78. no 3. Pp. 451–473.

[160] Irwin R. "Futuwwa": Chivalry and Gangsterism in Medieval Cairo // Muqarnas. 2004. Vol. 21. Essays in Honor of J.M. Rogers. Pp. 161–170. URL: http://www.jstor.org/stable/1523352

[161] Qing shilu zhunge'er shiliao zhaibian. Urumji, 1987.

[162] Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978.

[163] Китинов Б. У. Лю Цян. Религия в ойратской политике династии Цин // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. Т. 11. № 1. 2019. С. 44–55; Китинов Б. У. Лю Цян. Цинский источник о роли религии во взаимоотношениях между ойратами, Китаем и Тибетом // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань, 2018. С. 82–90.

[164] Чжан-му, Хэ Цютао. Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях.). СПб., 1895.

В цинской дворцовой переписке буддизм отмечен как ведущий фактор возвращения калмыков в Джунгарию в 1771 г.[165] Важные уточнения почерпнуты из выдержек из минских работ[166]. Ценные документы эпохи династий Юань, Мин и Цин даны в трудах Д. Д. Покотилова[167], Э. Бретшнейдера[168], П. Пельо[169], Ш. Джагчида[170], Л. Петека[171], Н. Я. Бичурина[172] и др.

Большую ценность представляют заметки генерала Фунингги, в 1715 – 1726 гг. командовавшего цинскими войсками в Восточном Туркестане. Большая их часть периода 1715 – 1724 гг., посвященная войне с Джунгарией, была переведена Е. Крафт с маньчжурского на немецкий и издана в 1953 г.[173] В источнике приводится мнение Цэван-Рабдана, раскрывающее религиозные причины отправки войск для захвата Лхасы в 1717 г., и описывающее события, связанные с его попытками «очистить» учение Цзонкхапы от «загрязнений».

Шестая группа источников: европейские источники

В основном это – описания путешествий, предпринятые купцами и католическими монахами к монгольским правителям: Марко Поло[174], Плано Карпини[175], Гильома де Рубрука[176]. Интересные замечания о роли буддизма у ранних ильханов содержатся в армянских источниках[177]. Нами использовался труд Афанасия Кирхера, являющееся собранием отчетов поездок монахов-

---

[165] Fu Lo-shu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644-1822). Tucson, 1966.
[166] Извлечения из «Мин ши сань сиюй и» // Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994. С. 36–56.
[167] Покотилов Д. Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам). СПб., 1893.
[168] Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic sources. London, 1888.
[169] Pelliot P. Notes Critiques d'Histoire Kalmouke. Part 1. Paris, 1960.
[170] Jagchid S. Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty // Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies. 1971. no 2. Pp. 43–60; *Idem*. Trade, peace and war between the nomadic Altaics and the agricultural Chinese // Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies. 1970. no 7.
[171] Petech L. China and Tibet in the early XVIIIth century: history of the establishment of Chinese protectorate in Tibet. Second, revised edition. Leiden, 1972.
[172] Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991.
[173] Kraft E. S. Zum Dsungarenkrieg im 18 Jahrhunder. Berichte des Generals Funingga, Aus einer mandschurischen Handschrift übersetzt und an Hand der chinesischen Akten erläutert. Leipzig, 1953.
[174] The Book of Ser Marco Polo the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. In two volumes. Vol. 1. With Maps and Illustrations. London, 1903; Поло М. Книга Марко Поло // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 192–380.
[175] Карпини Д. д. П. История монгалов // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 29–85.
[176] Рубрук Г. д. Путешествие в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 88–189.
[177] История монголов по армянским источникам. Выпуск второй, заключающий в себе извлечения из истории Киракоса Гандзакеци. СПб., 1874.

миссионеров в пределы Цинской империи в XVI – XVII вв. (впервые издан в XVII в.)[178]. Известный текст иезуита И. Дезидери о пребывании в Тибете – важный источник для изучения ситуации в Лхасе периода ее захвата джунгарами[179]. Таким образом, в европейских источниках дана небольшая, но ценная информация об ойратах: их пребывании в составе империи Юань, на севере Тибета в XVII в., взаимодействие с Далай-ламой и др.

Седьмая группа источников: сутры

Сутры праджня-парамиты[180] - особая группа источников, их изучение предоставляет возможность уточнить отдельные духовно-теоретические аспекты содержания буддийского фактора.

Среди ойратов большое распространение имели такие праджня-парамитские тексты, как «Ваджраччхеддика-праджня-парамита-сутра» (на калм. «Дорджи джодва»[181] – «Алмазная Сутра»), «Суварна-прабхаса-сутра» (на калм. «Алтан герел»[182] – «Сутра Золотого Света / Блеска»), «Праджня-парамита-хридайя-сутра» (на калм. «Зүркня судр» или «Билгин зүркн»[183] – «Сутра Сердца») и др. Интерес представляют указанные три сутры[184], причем вторая была известна ойратам еще до их «официального» обращения в Гелук в конце XVI – начале XVII вв., а первая хранилась буквально в каждой калмыцкой семье. Текст «Сутры Сердца» сохранился, как и «Алмазной Сутры», на *тодо бичиг*[185]. Автором использовались тексты сутр, изданные на русском языке[186], в т. ч. с использованием комментариев Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо[187].

1.3. Теоретико-методологические основания исследования

Для изучения темы недостаточно выстроить в определенной последовательности архивный материал и данные из источников (что тоже существенно для исторического исследования); важно проанализировать собранные данные

---

[178] Kircher A. China Illustrata. Б.м. 1986.

[179] Desideri I. Mission to Tibet: the extraordinary eighteenth-century account of Father Ippolito Desideri, S.J. Wisdom Publications, 2010.

[180] Праджня-парамита – учения о «запредельной мудрости» в направлениях махаяны.

[181] Полное ойратское название: «Xutuqtu biligiyin činadu küreqsen tasuluqči očir kemēkü sudur».

[182] Полное ойратское название: «Xutuqtu suduriyin ayimagiyin erketu xan dedu altan gerel kemeku yeke kulguni sudur orosibo».

[183] Полное ойратское название: «Ilaγun tögösün üleqsen biligiyin činadu kürüqsüni züreken».

[184] Б. А. Бичеев определяет эти сутры как три «наиболее почитаемых и распространенных текста» у ойратов [Бичеев Б. А. Ойратские переводы сутр праджняпарамиты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 153].

[185] Эти сутры были переведены с тибетского Зая-пандитой в середине XVII в., однако самая ранняя информация об их ксилографическом издании относится лишь к периоду правления джунгарского Галдан-Церена (1727 – 1745 гг.), в 1741 г.

[186] Алмазная сутра – Дорджи джодва – Сутра о Совершенной мудрости, рассекающей (тьму невежества), как удар молнии. Элиста, 1993; Алмазная сутра. Польза «Ваджраччхедика Праджня Парамита Сутры». Элиста, 2012; Сутра сердца: учения о праджняпарамите. Комментарии Далай-ламы XIV Тензин Гьяцо. Элиста, 2013; Андросов В. П. Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды. В 2-х т. Т. 2. М., 2018. С. 505 – 520; Сутра Золотистого Света. Двойная Сутра. М., 2013.

[187] Подробнее содержание сутр рассматривается в 1.3.

в свете избранных методологических подходов и приемов. Автор исходил из принципа историзма и научной объективности – изучение исторического события или процесса следует проводить не только в связи с общим контекстом рассматриваемого периода времени, но необходимо также знать его эволюцию (генезис), обращаясь к предыдущим обстоятельствам (состояниям, стадиям). Тем самым возможно проследить преемственность между явлениями или процессами, что особенно важно при изучении политогенеза и этнической истории ойратов, особенностей распространения и утверждения у них буддизма.

Использованный нами структурный метод позволил актуализировать более *отношения* и *обстоятельства*, чем конкретные *лица* и *события*. Именно структурный подход предоставил возможности сформировать познавательные конструкции, позволившие уточнить потенциал явлений и процессов, имевших место у ойратов при влиянии на их политику буддийского фактора, и условия его проявления, поскольку иногда анализ частного решения или действия не приближает к пониманию общей картины. Таким образом, автор сфокусировался на долгосрочных явлениях и процессах.

Большое значение имел системный метод, позволяющий воспринимать структурные свойства буддийского фактора (его устойчивые элементы: институты, верования, культовые ценности и др.) как необходимое условие для его дальнейшего развития и воздействия, а формирование и взаимодействие, под его влиянием, идентификационных характеристик у ойратов (кроме религиозного аспекта, также и этнического) – как актуальный дискурс в изучении исторического развития кочевников.

Компаративный метод позволил выявить общее и отличное в изучаемых документах и иных источниках, благодаря чему удалось проследить роль как отдельных личностей, так и институтов, в ойратской истории.

Возможности структурного и системного методов использовались в работе на основании трудов И. Д. Ковальченко[188], А. И. Ракитова[189], В. А. Штоффа[190], В. С. Швырева[191]. Методология общеисторического исследования опиралась на результаты изысканий М. А. Барга[192], В. А. Дьякова[193], Е. М. Жукова[194]. Развитие и взаимодействие кочевых обществ изучались с опорой на результаты трудов В. В. Трепавлова[195], Т. Д. Скрынниковой[196]. При

[188] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
[189] Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982.
[190] Штофф В. А. Моделирование и философия. М.-Л., 1966.
[191] Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. М., 2003.
[192] Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1999.
[193] Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 2004.
[194] Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 2001.
[195] Трепавлов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
[196] Скрынникова Т. Д. К вопросу о формировании монгольской государственности в XI — XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989. С. 29-45; *Она же*. Роль буддизма в формировании политических идей в Монголии XIII–XVIII вв. // Методологические аспекты изучения истории духовной культуры Востока: сб. ст. Улан-Удэ, 1988. С. 124–132.

исследовании особенностей истории средневековых монголов-кочевников автор более опирался на методы исторического исследования, как они изложены Л. Е. Грининым, А. В. Коротаевым, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадиным[197], в том числе при сравнении разных кочевых сообществ[198].

По Ю. Кокка, исторической науке необходимо привлекать теории, методы и результаты смежных социальных наук, что важно для познания социального, политического, культурного контекста истории[199]. Аналогичное отметил Й. Элверског: необходимо использовать современные теории для изучения прошлого, чтобы понять труднообъяснимые события и процессы. Он отметил: если прежде писали о степных «племенах» и «племенных конфедерациях», то «недавние исследования трактуют эти же отношения в терминах этнической и национальной идентичности. Такова природа интеллектуального проекта, когда он продвигается вперед»[200]. Большое воздействие на формирование таких дискурсов идентичности оказывала религия, поскольку этническая (следовательно, политическая, культурная, даже экономическая) история народов часто формируется или корректируется религиозными установками и матрицами. Несмотря на «расколдовывание мира», в развитии религии и обществ свою роль играли и социальная среда, и характер самой религии[201].

Для нас ценными были результаты изысканий известного антрополога Ф. Барта о роли идентичностей и ценностей этнических групп[202]. Ш. Эйзенштадт считал, что политическая, экономическая, социальная структуры общества совместно с культурно-цивилизационным наследием и идентичностью составляют единую институциональную конструкцию[203]. На наш взгляд, подходы этих ученых являются продуктивными для использования в обсуждаемых в настоящей диссертации вопросах, поскольку в их работах отражены результаты анализа многообразного эмпирического материала и упорядочены разнородные данные о политическом, социальном (этническом), экономическом развитии, с одной стороны, и роли культурно-цивилизационных, религиозных констант и связей (контактов), с другой стороны, у разных этносов и социальных групп. По мнению А. Вендта, власть и интересы – важные факторы в политике любых времен, но их воздействие зависит от культурно-конституированных идей[204]. **Поскольку развитие истории определяется не**

---

[197] Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014.

[198] Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М., 2006; Крадин Н. Н. Комплексные общества номадов в кросс-культурной перспективе // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 20–49.

[199] Kocka J. Sozialgeschichte zwischen Strukturgeschichte und Erfahrungsgeschichte // Sozialgeschichte in Deutschland. Gottingen, 1986. Bd. 1. S. 67–88.

[200] Elverskog J. Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2008. P. 15.

[201] Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 64.

[202] Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Bergen, Boston, 1969. Pp. 9–38.

[203] Eisenstadt S. N. Revolutions and the Transformation of Societies. New York, 1978. P. 66–68.

[204] Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999. P. 41.

столько чьими-то интересами или силой, сколько верованиями и ценностями, формирующими показатели идентичности, следует, что политическая и этническая история любого народа зависит, в немалой степени, от исторически обусловленных культурных (прежде всего, религиозных) факторов и условий[205].

Теоретико-методологической основой исследования религии послужили труды С. А. Токарева[206] и М. Вебера[207], а также современные изыскания в области методологии религиоведения А. Н. Красникова[208], И. Н. Яблокова[209]. Что касается буддизма, то большую помощь оказали работы В. П. Андросова[210], А. Берзина[211], Дж. Туччи[212].

Сущностной частью методологического обеспечения настоящей работы является определение содержания понятия «буддийский фактор». Как указывалось выше, автор понимает «буддийский фактор» как комплекс различных аспектов буддизма (например, верования, тексты, отдельные институты, и др.), оказывавший значительное влияние на политическую и этническую историю ойратов. Иначе говоря, речь идет не столько о буддизме как религиозном феномене (его философия, феноменология, гносеология, культ и др.), сколько о том или ином его проявлении в истории ойратов, благодаря выделению и использованию западными монголами отдельных черт и положений этого учения. Для определения и изучения этого фактора в истории ойратов, его духовно-идеологических оснований и значения, автор обратился к известным буддийским текстам – сутрам праджня-парамиты[213].

«Сутра сердца» сопоставляет два мира – мирской (бытийный), или относительный (истина об относительной реальности), и абсолютный (абсолютная истина), причем оба мира обозначены как взаимоувязанные. Хотя в сутре обсуждается особенная тема – практика праджня-парамиты, все участники[214] осознавали свое пребывание в рамках и условиях мирских реалий. Комментируя «Сутру Сердца», Далай-лама выделяет важность реализации (достижения) «тела формы» (рупа-кайя) (физического тела) совместно с «телом истины» (дхарма-кайя) (духовное тело), при этом первая «необходима для принесения

---

[205] Например, изучение эволюции религиозного (буддийского) фактора в коммуникациях между ойратскими сообществами позволяет выявить и описать роль и значение сторонней силы, использующей его (фактор) в качестве причины для «корректировки» этих контактов (коммуникаций) с целью достижения желаемого результата.

[206] Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990.

[207] Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.

[208] Красников А. Н. Методология классического религиоведения. Благовещенск, 2004.

[209] Религиоведение. Под ред. Яблокова И.Н. М., 2017.

[210] Андросов В. П. Очерки изучения буддизма Древней Индии. М., 2019; *Он же*. Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды. В 2-х т. Т. 2. М., 2018.

[211] Берзин А. Принятие посвящения Калачакры. СПб., 2002.

[212] Tucci G. The Religions of Tibet. Routledge and Kegan Paul, 1980; Tucci G. Tibetan Painted Scrolls. Vol. 1–3. Roma, 1949.

[213] *Сутра* – текст, речь, приписываемая Будде, сжато излагающая наиболее важные положения учения. Сутры праджня-парамиты сложились в северном буддизме махаяны.

[214] Участники диалога – бодхисаттва Авалокитещвара и Щарипутра, ученик Будды.

блага другим живым существам»[215], позволяя реализовываться и собственным интересам[216]. Значит, пребывание в бытийном мире сущностно и ценно, поскольку только в нем, благодаря практикам и действиям, возможно достижение и мирских, и абсолютных целей.

Эти положения раскрываются в «Алмазной Сутре», в диалоге между Буддой Щакьямуни и Субхути, одним из его учеников. На вопрос о возможности постижения живыми существами Учения в период его упадка, Будда ответил, что они смогут его понимать при условии распространения знания о содержании Сутры – как отмечается в тексте, если будет (в бытийном мире) такое место, где бы проповедовалась хотя бы одна четырехстопная строфа, «то место на земле стало бы местом поклонения посреди мира богов, людей и демонов»[217]. Итак, в Сутре утверждается идея о необходимости наличия в миру земли (страны), где учения праджня-парамиты могли приносить пользу всем живым существам. Во главе такой страны, очевидно, должен стать правитель-чакравартин, также упоминаемый в Сутре.

В буддийской традиции выделяются два типа достойных правителей – дхармараджа и чакравартин. Они оба считаются «праведными царями», обладающими великолепными моральными и интеллектуальными качествами, правящими в соответствии с *дхармой*[218]. М. Циммерманн различает эти два типа, в частности, в вопросе геополитических устремлений: «когда говорится о дхармарадже, не выделяют территориальные амбиции, таким образом, идея чакравартина заключается в завоевании всего мира»[219]. Важной задачей для таких правителей является защита своей страны (места, где проповедуется учение праджня-парамиты) от нападений и происков врагов; более того – именно такие страны и пребывают под защитой «высших сил» – небесных правителей. Этому вопросу в значительной степени посвящено учение, изложенное в третьей Сутре – «Сутре Золотого Света / Блеска».

Эта Сутра входила в то небольшое число сутр, регулярное чтение[220] которых позволяло избегать дискретности в «отношениях» с божествами-защитниками учения, и помогало «защищать страну». Наряду с *дхарани*[221], молитвенными формулировками, философскими рассуждениями, в Сутре давались

---

[215] Сутра сердца: учения о праджняпарамите. Комментарии Далай-ламы XIV Тензин Гьяцо. Элиста, 2013. С. 121.

[216] Здесь речь идет о развитии *бодхичитты* – особенного устремления к достижению состояния будды ради блага всех живых существ.

[217] Алмазная сутра – Дорджи джодва – Сутра о Совершенной мудрости, рассекающей (тьму невежества), как удар молнии. Элиста, 1993. С. 131; Алмазная сутра. Польза «Ваджраччхедика Праджня Парамита Сутры». Элиста, 2012. С. 153; 221–222.

[218] Дхарма – имеет ряд значений, среди них: учение Будды; мельчайшая неделимая частица.

[219] Buddhism and Violence. Lumbini, 2006. P. 224.

[220] Переписывание этой сутры, как и любого другого буддийского сочинения, также имело большое благое значение. Известно, что свой перевод сделал Гуши-хан.

[221] Дхарани – тантрические заклинания.

наставления по управлению народом, государством, его защите и решению возникавших проблем, где главным было условие сохранения *дхармы* и почитания этой Сутры.

В тексте Сутры бодхисаттва Авалокитещвара призывает четырех небесных правителей оказывать помощь правителям, странам и народам, у которых высоко чтут эту сутру. На это махараджи обещают защищать своими армиями такие земли и народы, почитающие Сутру. Однако очень многое зависело от правителей стран: «Нет страшнее опасности / для его страны, / чем терпимость к беззаконию / и сознательное пренебрежение ими (законами)»[222]. Таким образом, основным условием было следующее: царь должен защищать свое царство «согласно с Дхармой», в противном случае государство погрузится во множество проблем и бедствий, и Четыре махараджи не будут ее защищать[223].

Итак, эти сутры имели принципиальное значение как для самой религии буддизма, так и для формирования государства и управления обществом, в том числе в развитии общества. При этом ценность человеческой жизни в реализации таких задач определенно указана в «Сутре Сердца».

Проанализированные нами сутры позволяют заключить, что они представляют собой не только буддийский текст, но текст, смысловое содержание которого воздействовало на формирование и реализацию (осуществление) концептуализации власти и деятельности (активности) у воинственных кочевников. Ойраты получили идеологическое обоснование для создания государственных образований («страны»), которые обладали бы активной внешней политикой, что повлияло на милитаризацию их сообществ – не только для защиты «своего» буддизма (наличествующего благодаря почитанию сутр праджня-парамиты), но и для поддержки школ тибетского буддизма[224].

Действительно, в проявлении отдельных черт политики (особенно внешней) ойратов была одна особенность, которая нивелировала некоторые, неприемлемые для них показатели буддийского учения (например, отдельные стороны образа жизни), и способствовала актуализации иных, для поддержки жизненно важных характеристик народа; такой особенностью выступает их воинственность, исторически характерная черта пассионарности (термин Л. Н. Гумилева) данного народа[225]. К. Этвуд даже счел возможным говорить о «буддийской воинственности» у ойратов, в том числе в характеристике помощи Далай-ламе: «Буддийская вера среди ойратов, окруженных тюрками-

---

[222] Сутра Золотистого Света. Двойная Сутра. М., 2013. С. 96.

[223] Сутра Золотистого Света. Двойная Сутра. М., 2013. С. 93.

[224] Еще одно объяснение такому направлению их развития можно найти в роли лам, обучавшихся системе Кала-чакры, в которой значительный упор делается на борьбу с врагами учения.

[225] С указанной точки зрения интерес представляет мнение Б. Я. Владимирцова, заметившего, что у ойратов Будда Шакьямуни «далеко не похож на Будду многочисленных и хорошо всем известных легенд; это – особый ойратский «Будда», «Будда» кочевников степей и гор Западной Монголии, такой, какой он представился им впервые, образ какого поразил их воображение» [Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос // Джангар. Материалы и исследования. М., 2004. С. 95].

мусульманами, была особенно воинственной и сосредоточена на Далай-ламе в Тибете, имя которого было обычной религиозной молитвой»[226]. В отношении более раннего периода (конец XVI в.) подобное было отмечено Л. Моузесом: «На западе ойраты, возрождающаяся милитаризированная сила, также пыталась обрести легитимизирующую власть, ассоциированную с буддизмом»[227].

Воинственность ойратов не противоречила буддийским установлениям; религия (в том числе в лице священнослужителей) влияла на подготовку и ведение битв и войн, даровала уверенность в непобедимости, поддерживала при поражениях и т. д. Ученые уже обращали внимание на военную сторону учения Будды[228]; по их мнению, «хотя исторические изыскания о буддийском правлении далеки от завершения, кажется вероятным, что традиция обладает определенной доктриной справедливой войны»[229]. Р. Турман написал материал «Тибет и монастырская армия мира»[230], где обсудил вопросы взаимодействия мира и войны, буддийской этики в традициях тибетского буддизма. Таким образом, в «Сутре Золотого Света / Блеска» содержатся аналогичные положениям «Сутры сетей Брахмы» идеи о вооруженной защите родины и религии. Ойраты идентифицировали себя с защитниками учения Будды[231], и являли эту идею не только в череде войн, но и в обрядово-культовой практике, например, в поклонении культу дхарма-палы Палден-лхамо (Окн-тенгри)[232].

Ранняя роль буддийского фактора у ойратов заключалась, по-видимому, в легитимизации власти правителя, в поддержке создания им соответствующей «страны», на что было нацелено содержание сутр. Идея «собирания» такой страны, освящение единого государства, в противовес раздробленности, помогла буддизму в его ранний период истории, когда буддисты были «потенциальными союзниками правителей древнеиндийских государств в борьбе с племенной раздробленностью»[233].

Затем наступил период, когда ойраты, ввиду их территориальной близости к Тибету, могли направить на обучение в Тибет своих представителей. Благодаря ойратским ламам, стал возможен феномен появления своего письменного языка (*тодо бичиг*, изобретен Зая-пандитой в 1648 г.). Уникальность вновь созданной письменности подтверждает постепенную трансформацию

---

[226] Atwood Ch. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Fact on Line, Inc., 2004. P. 422.

[227] Moses L. W. The Political Role of Mongol Buddhism. Indiana University Press, 1977. P. 104.

[228] Сам основатель Учения – Будда – родился и вырос в военной среде. Будучи из варны кшатриев, т. е. принадлежа к воинскому сословию с рождения, он получил блестящую военную подготовку. Роли и значению Учения для защиты Отечества и веры посвящен ряд буддийских сочинений: «Дхаммадат», «Мохавичедани», «Брахмаджала-сутра».

[229] Buddhism and Politics in Twentienth-Century Asia. London, New-York, 1999. P. 5.

[230] Thurman R. A. F. Tibet and the Monastic Army of Peace // Inner Peace, World Peace: Essays on Buddhism and Nonviolence. Albany, New-York, 1992. Pp. 77–90.

[231] Академик Ринчен как-то заметил, что санскрит – это язык будд, тибетский – язык бодхисаттв, монгольский (в том числе ойратский) – язык дхарма-пал (защитников Учения).

[232] У калмыков был большой обряд поклонения Окн-тенгр. В свое время Зая-пандита перевел соответствующий текст «Cerig tusqagci Okin tngri-yin tuguji».

[233] Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973. С. 235.

роли буддийского фактора у западных монголов: он стал проявляться в таких обычных для религий сферах утверждения своего авторитета, как издание буддийских работ и возведение культовых построек.

По мнению Ф. Барта, отличительные черты этноса («явные культурные формы») зависят от окружения (внешних обстоятельств), в котором он пребывает[234]. Поэтому для более полного и объективного изучения влияния и роли буддийского фактора в политической и этнической истории ойратов автор сопоставляет и анализирует его проявления в политике со стороны духовных и политических лидеров Тибета, Восточной Монголии и Китая. Вероятно, одним из наиболее важных проявлений значения буддийского фактора является то обстоятельство, что он смог предоставить известную политическую альтернативу принципу чингисидства, что стало возможно после 1642 г., когда Тибет возглавил Далай-лама. Изучение роли буддийского фактора в политике маньчжурских правителей в отношении ойратов позволило установить, что его отдельные институты (например, *тулку* / *хубилганство*) оказались привлечены цинскими императорами для уничтожения государств западных монголов и миграции калмыков из России в прежнюю Джунгарию.

Использование упомянутых выше теоретико-методологических приемов, при изучении динамики политической и этнической истории ойратов, доказывает их функциональный характер – становится возможным наблюдать и анализировать устойчивую последовательность событий и процессов, действующих в логике развития общеисторических тенденций. Наш подход позволяет делать акцент на выявлении наиболее важных событий в политической и этнической истории народа как узловых для вычленения роли буддийского фактора, его проявления и воздействия (клиометрическое измерение), что значительно снижает роль субъективного взгляда и способствует уяснению его (фактора) дальнейшего развития и влияния.

Во **второй главе** «Ойраты в монгольский и пост-монгольский периоды: религия и этнос» изучается роль религии и этнического развития у ойратов в указанные периоды. В **параграфе 2.1.1.** «Ранняя этнополитическая история ойратов», на основании сведений из «Сокровенного сказания монголов», «Сборника летописей», «Эрдэнийн тобчи» делается вывод, что происхождение ойратов, как и значение самого слова *ойрат,* все еще нуждается в дальнейших исследованиях. Ойраты подчинились Чингисхану, и после начала монгольских завоеваний были переселены из Восьмиречья южнее, в регион, куда входила и Джунгарская впадина, приняли самое деятельное участие в походах монголов. В **параграфе 2.1.2.** «Религиозные воззрения ранних ойратов» отмечается, что ойратское сообщество имело единого религиозного лидера, что позволяло им, несмотря на различное происхождение, положение или время пребывания в составе конфедерации, сохранять единство. Роль религии у них возросла с началом завоевательных походов Чингисхана. Ойраты Центральной Азии, у которых распространялось учение школы Карма Кагью, в конце XIII в. в

[234] Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Bergen, Boston, 1969. P. 12–13.

составе войск Хайду и Дува участвовали в межрелигиозной войне в Тибете. **Параграф 2.2.1.** «Особенности религиозного и политического развития ойратов с середины XIV в. до середины XV в.» посвящен вопросу укрепления буддизмом своих позиций у западных монголов. Ойратов борьба с Северной Юань привела их к политическому объединению против доминирования восточных монголов (что позволило появиться Первой конфедерации), и восприятию буддизма как государственной религии. Кроме того, желание ойратских лидеров обладать китайскими титулами (сами правители как *тайши*, представители духовенства – в рангах, предоставляемых императором) также формировало определенные стороны идентичности, позволявшие противостоять попыткам исламизации, охватившей Восточный Туркестан. В **параграфе 2.2.2.** «Первая (Ранняя) конфедерация ойратов: этнический и политический аспекты формирования» отмечено, что элёты были наиболее мощной единицей этой конфедерации (1430-е гг. – конец XV в.). В ее состав входили хойты, батуты, баргуты, бураты, торгуты и хошуты. Среди элётов ведущим родом стал чороский (правители – Тогон, затем Эсэн), прежде возглавлявший ойратов. **Параграф 2.3.1.** «Ойраты как «калмаки»: религиозный дискурс идентичности» посвящен истоку слова *калмак*, закрепившегося за ойратами, после переселения из верховьев Енисея занявших регион Калмак (земли севернее Небесных гор в совр. СУАР КНР, и Западная Монголия). Противостояние ойратов с соседними мусульманскими народами ускорило их буддизацию, что повлияло на увеличение в их составе монгольского субстрата, и уменьшение имевшегося тюркского. Важным маркером этничности ойратов стала *улан зала* – красная кисть, носившаяся на верхушке головного убора. Вообще же у них с сер. XV в. буддизм становится определяющим показателем идентичности. Это происходит в связи со становлением государства, которое должно было базироваться на определенной идеологии, имевшей потенциал противостоять праву чингисидов. В **параграфе 2.3.2.** «Политическая и религиозная история ойратов в иль-ханской Персии» отмечается, что одним из видных ойратов, ставшим мусульманином, был Ноуруз, сын Аргун-аки, правителя Хорасана. Принимая активное участие в политической борьбе, он убедил нового иль-хана Газана принять ислам. Персидская страница истории ойратов отражает их глубинную привязанность прежним духовным предпочтениям (буддизму и шаманизму), и подтверждает особую роль религиозного фактора в истории народа, где бы он ни проживал, и более того – обнаруживает их способность использовать религию как важный инструмент своей политики.

Третья глава «Буддизм в политике ойратов периода с последней трети XV в. по 1640-е гг.» посвящена роли буддизма в политике ойратов периода после кризиса последней трети XV в. по 1640-е гг., когда возросло влияние школы Гелук. В **параграфе 3.1.1**. «Роль религии в становлении и развитии Второй (Средней) конфедерации ойратов» отмечено падение влияния чоросов вследствие исхода элётов в Могулистан и их гибели. Это вызвало распад Ранней конфедерации и формирование Средней (основные члены: хошуты, дербеты, элёты (джунгары), торгуты), случившееся до 1570 г. В то время среди ойратов

прежние родоплеменные структуры сменялись на этнополитические объединения. Период существования Средней конфедерации характеризовался последовательным укреплением буддизмом своих позиций. В **параграфе 3.1.2.** «Буддизм в Тибете и роль Алтан-хана в распространении учения Гелук у монгольских народов» указано, что торгуты и хошуты восприняли учение Гелук благодаря укреплению этой школой своего влияния в Амдо (северо-восточный Тибет). Встреча главы Гелук Соднама Гьяцо и тумэтского Алтан-хана в 1578 г. возродила идею объединения всех монголов под знаменем религии, тогда как борьба чингисидов за власть вела к кровопролитным столкновениям. **Параграф 3.2.1.** «Маньчжурская экспансия на юго-востоке Монголии и осложнение религиозной ситуации в Амдо» посвящен изучению ситуации в Амдо после перемен на юго-востоке Монголии, где глава чахаров Лигдан-хаган потерпел поражение от маньчжуров. С бегством в Кукунор из Халхи Цогт-тайджи, сторонника Карма Кагью, и прибытием туда же подданных Лигдана, выступавшего против Гелук, ситуация в Амдо осложнилась, поскольку там фактически начались межрелигиозные столкновения. **Параграф 3.2.2.** «Тибетские походы Гуши-хана: буддийский фактор в политическом развитии ойратов к середине XVII в.» затрагивает вопрос о причинах, ходе и результатах вовлечения ойратов в борьбу в Тибете между школами Гелук и Карма Кагью на стороне первых. Хошутский Гуши-хан в начале 1637 г., разбив войско Цогт-тайджи, основал в Кукуноре Хошутское ханство; тогда же подданные элёты Батура-хунтайджи стали зваться *джунгарами.* Гуши удостоился от Далай-ламы Пятого титула *Тензин-гьялпо* – Покровитель Учения. В Тибете сложилась особая система управления: в контексте отношений *чой-йон* власть (военно-политическая) в стране принадлежала дипе и Гуши-хану, а Далай-лама был выведен за пределы этих отношений, сохраняя, в известном смысле, свою независимость. В **параграфе 3.3.1.** «Этнополитические причины распада Второй (Средней) конфедерации ойратов и фактор школы Гелук» выделены причины распада Второй конфедерации: ухудшение социально-политических и экономических возможностей, внутренние противоречия. Торгуты и дербеты стали мигрировать в пределы Сибири; в 1632 г. торгуты вышли к Волге. Активность лам, особенно из торгутов и хошутов, имела политическую направленность: они поддержали светских лидеров, решившихся на миграции, и способствовали формированию ханств. Тибетский буддизм у ойратов обрел особенную воинственную форму и укрепил их политические структуры. Существование Средней конфедерация завершилось в 1635 г., когда появилось Джунгарское ханство; становление в 1637 г. Хошутского ханства также можно отнести к периоду завершения конфедерации. Важным для легитимности правителя становится получение ханских регалий от Далай-ламы. Буддийский фактор повлиял на социальные структурные перемены: у ойратов появились томуты (мусульмане) и шабинеры (подданные ведущих лам). В **параграфе 3.3.2.** «Джунгария как Третья (Поздняя) конфедерация: этно-религиозный аспект идентичности «поздних» ойратов» отмечено, что ввиду перемен в родовой, территориальной и иной принадлежности, в дополнение к политической (к определенным ханствам),

ойраты стали различаться на (суб)этническом уровне, хотя продолжали объединяться вновь актуализировавшимся этнонимом *элёт*. Изменения в их идентичности были обусловлены созданием ханств, во многом благодаря сохранению западными монголами традиций государственности – сущностного элемента их политической культуры. В Джунгарии сложилась Третья конфедерация из джунгаров, хошутов, дербетов и хойтов; она отличалась от прежних отсутствием общеойратского чуулгана. Перемены в социальной (этнической), культурной (религиозной) и нормативно-правовой системах ойратов повлияли на этнополитические объединения, которые стали преобразовываться в большие этнические группы – *улусы*, тем самым очерчивая границы своих обществ и ограничивая прежний уровень коммуникаций; во многом только ламы и буддизм скрепляли расходившихся ойратов.

Четвертая глава «Тибетский фактор в этно-религиозном развитии ойратов в период с 1640-х по 1690-е гг.» повествует о том периоде в истории ойратских ханств, когда буддийский фактор оказывал значительное воздействие на их политическое и этническое развитие. Как показано в **параграфе 4.1.** «Деятельность Далай-ламы Пятого в контексте политической истории хошутов и Хошутского ханства», влияние Далай-ламы в регионе возрастало. В 1660 г. единое ханство хошутов распалось на тибетскую и кукунорскую части. Ханство у Кукунора политически развивалось согласно ойратским традициям (сохранился чуулган, были союзы), при участии представителя Далай-ламы. Изобретение хошутским Зая-пандитой письма *тодо узуг* в 1648 г. позитивно повлияло на религию и политическое развитие ойратов. **Параграф 4.2.1.** «Буддизм и народ ойратов в объединительной политике Галдана Бошогту-хана» посвящен деятельности Галдана, возглавившего Джунгарию около 1669 г. Он был признан перевоплощением известного ламы Энса-тулку, за заслуги перед буддизмом получил от Далай-ламы титул «Бошогту-хан». Галдан подчинил себе многих ойратов, Восточный Туркестан, совершил походы в Среднюю Азию. Буддизм в Джунгарии процветал, однако религиозная и политическая активность Галдана привела его к соперничеству с халхаскими лидерами. Цинский двор готовился к столкновению с Джунгарией укреплением своих позиций в Монголии. В **параграфе 4.2.2.** «Роль религии в джунгаро-халхаской войне» анализируется влияние буддийского фактора на политику Галдана, направленную на объединение монголов. Несмотря на вовлечение, по просьбе Канси, тибетских правителей в примирение ойратов и халхасов, джунгаро-халхаская война привела халхасов в цинское подданство. Война стала джунгаро-цинской, в результате которой Галдан покончил жизнь самоубийством. Цины обратили внимание на Тибет, проявивший независимую политику в тех событиях. **Параграф 4.3.1.** «Буддийский фактор в законодательстве ойратов» посвящен анализу влияния учения Гелук на функциональные возможности ойратского сообщества. Назрела необходимость принятия законов, основанного на ценностях и нормах, способных объединять ойратов и монголов, и регулировать возможные разногласия. Законы 1640 г. были призваны укрепить единство ойратов в условиях распада их прежней конфедерации. Но именно последствия распада

повлияли на выработку новых, «локальных» вариантов законов в Джунгарии (указы Галдана 1670-х гг.) и в Хошутском ханстве («Тринадцать разделов» (1643) и «Монгольское уложение» (1647) Гуши-хана, а также «Основное уложение Кукунорского чулгана» (1685)). В хошутских актах религия представлена более масштабно ввиду близости тибетских сакральных авторитетов. **Параграфом 4.3.2.** «Буддийский фактор в политике первых правителей у калмыков» автор изучает буддийский фактор у ойратов, в начале XVII в. покинувших земли Второй конфедерации и раскинувших шатры в Яицко-Волжско-Донском регионе России. Эти ойраты (известные как *калмыки*) вырабатывали новые формы и методы взаимодействия с соседними народами и с русскими властями. Торгутские правители Дайчин и Аюка получили ханские регалии от Далай-ламы. Калмыцкое ханство, как Джунгарское и Хошутское, возникло благодаря эффективной системе управления, традициям политической культуры и роли буддийского фактора, в 1690-х гг. Случившийся в начале XVIII в. кризис в отношениях между калмыками и джунгарами (из-за посольства Арабджура и ухода Санджипа в сторону Тибета) позволяет выявить не только значение сакральных земель (Тибета и Амдо) для правившего торгутского дома, но и поиск Цинами инструментов влияния на этих далеких от Пекина ойратов.

Пятая глава «Роль буддизма в политике ойратов периода 1690-х – 1740-х гг.» начинается **параграфом 5.1.1.** «Цинский фактор в политическом развитии хошутов и роль Далай-лам», где изучается процесс постепенного подчинения хошутов власти Цинской империи, начавшийся с конца XVII в. В Тибете в 1703 г. новым «царем» стал Лхавзан (Тензин Чингис гьялпо), казнивший регента Сангье Гьяцо и удаливший из Лхасы Далай-ламу Шестого, обвиненного в нарушении обетов. Далай-лама скончался по пути в Пекин, а в 1712 г. кукунорские хошуты обнаружили его очередное воплощение. Ребенка доставили в монастырь Кумбум, и он стал скоро известен как местопребывание будущего Далай-ламы. В **параграфе 5.1.2.** «За чистоту учения Цзонкхапы»: религиозный контекст тибетской политики Джунгарии» отмечается, что события 1717 г. (захват джунгарами Лхасы) были обусловлены рядом факторов, в т. ч. уходом части хошутов Амдо под власть Цин и бегством отдельных родов в Джунгарию. Цэван-Рабдан направил свои войска в Тибет для поддержки определенной части духовенства Гелук ввиду доктринальных разногласий внутри этой школы, и ее «очищения» от практик учения Ньингма. Также, заявляя, что Далай-лама должен был утверждаться общим решением ойратов, а не пожеланием одного Лхавзана, Цэван-Радбан хотел передать правление в Гелук от Далай-ламы Панчен-ламе. В **параграфе 5.2.1.** «Буддийская идентичность хошутов как фактор региональных перемен» исследуется изменение политики Цинов в отношении хошутов. Ойратская идентичность хошутов не могла противостоять мощному воздействию тибетского фактора, и скоро они стали известны как *кукунорцы* и *верхние монголы*. Недовольные лишением их титула «царя» Тибета, хошуты в 1723 г. подняли восстание против Цинов, которое было жестоко подавлено. В 1727 г. в Тибете к власти пришел Пхоланай, воплощенец внука Гуши-хана, что можно оценить как один из примеров

использования хошутского фактора в тибетской политике Цинов. В **параграфе 5.2.2.** «Роль религии в политической истории Калмыцкого ханства в период правления Аюки и Церен-Дондука» изучаются причины прибытия к калмыкам маньчжурского посольства Тулишэня, который пытался склонить Аюку к цинскому подданству. Большую роль в ханстве играл Шакур-лама, который после смерти Аюки убедил правительство поставить во власть Церен-Дондука, сына хана. Одной из важнейших проблем была христианизация калмыков, повлиявшая на образование особого субэтноса бузавов, состоявшего из калмыков, ушедших на Дон и принявших православие. В **параграфе 5.3.1.** «Буддийский фактор в этнополитической стратегии Цинской империи во взаимоотношениях с Калмыцким ханством» рассматриваются причины, обусловившие вручение весной 1731 г. российскими властями ханского титула Церен-Дондуку, и прибытие летом к калмыкам маньчжурского посольства зангин Мандая, который пытался склонить хана к союзу против джунгаров. Между тем, еще полутора годами ранее калмыки направили посольство в Тибет, которое по пути посетило Пекин, где император дал аудиенцию его отдельным членам. Послы добрались до Далай-ламы и вернулись в Россию с ханским титулом для Церен-Дондука. Именно эта поездка позволила Цинам актуализировать вопрос подданства калмыков. В **параграфе 5.3.2.** «Буддизм в Калмыцком ханстве в условиях ограничительной политики Российской империи» отмечается сложная ситуация у калмыков в начале 1730-х гг. Выделяются попытки разрешить ее: духовенство в лице Шакур-ламы, в частности, планировало возвести в ханстве храм Сандалового Будды, вероятно, как этап в воссоздании буддийского государства с опорой на «два закона»; светские лидеры, примыкавшие к Дорджи Назарову, возможно, собирались в пределах или у границ Цинском империи создать особый *нутук*, для чего были отправлены посланцы к императору. Позже российские власти, хотя и позволили Дондук-Омбо направить посольство к Далай-ламе, с подозрением отнеслись к его идее передать правление своему сыну Рандуле (от кабардинки Джан). Власти сохраняли уважение к Далай-ламе; несмотря на планировавшуюся замену Церен-Дондука Дондук-Омбой, в сентябре 1735 г. первому передали ханский титул от Далай-ламы: «Дайчин-Шаса-Бюджа-хан».

Шестая глава «Буддизм в государствах ойратов периода с 1740-х гг. по 1771 г.» посвящена актуальности буддийского фактора в последние десятилетия существования независимых ойратов: Джунгарского и Калмыцкого ханств. В **параграфе 6.1.1.** «Политико-управленческие традиции Джунгарии и роль религиозного фактора» анализируется влияние буддийского фактора на управленческие традиции джунгаров. Галдан-Церен был гибким политиком, находившим компромисс в переговорах с маньчжурами и калмыками; последним он напоминал о великом прошлом Четырех Ойратов, призывал к объединению перед вызовами перемен. Хотя джунгары сохраняли независимость, у ойратов уже не было прежней эффективности политической системы: хошуты потеряли самоуправление, а калмыки по-прежнему ожидали ханской грамоты от Далай-ламы и тем самым оказались открыты воздействию цинских

инструментов влияния. В **параграфе 6.1.2.** «Религиозный аспект политики Цинской империи и падение Джунгарского ханства» отмечается акцентирование Цинами пацифистского потенциала буддизма у монгольских народов через воспитание в своих монастырях священнослужителей, которые следовали бы указаниям двора; император хотел взять на обучение в Пекин молодых джунгарских лам. Разрушение системы коммуникаций (политических, религиозных, социальных и иных) между ойратами стало серьезным испытанием для Джунгарии. При кризисе власти, наступившем в ханстве после смерти Галдан-Церена, Цины воспользовались обращением к ним за помощью хойтского правителя Амурсаны. В результате в 1756 г. Джунгария пала. В **параграфе 6.2.1.** «Конфессиональный аспект этнополитических перемен в Калмыцком ханстве» исследуется правление наместника Дондук-Даши, который осенью 1755 г. направил посольство в Тибет за ханским титулом, причем, из-за проблем с подданством, часть его посланников была на «собственном коште». Вероятно, посольство вернулось с грамотой на ханство от Далай-ламы. С прибытием к калмыкам ламы Делека и беженцев из Джунгарии актуализировался феномен перевоплощенцев. При Дондук-Даши были приняты законы *Тогтол*; они дополняли законы 1640 г. и акцентировали важность чтения буддийских текстов требованием поголовного знания грамоты для детей мужского пола. **Параграф 6.2.2.** «Буддийский фактор в политике Цинской империи и крах Калмыцкого ханства» посвящен особой теме: значению буддийского фактора в возврате калмыков на «исконно ойратскую» землю, которую они «отдавать» «китайцам» не собирались. Но религиозный фактор стал ведущим: ограничения любых форм связи с Тибетом и Далай-ламой, т.е. коммуникационная проблема, стала принципиальной для Убаши-хана. В исходе калмыков в Джунгарию в 1771 г. большую роль сыграл лама Лоузан Джалчин, перевоплощенец Анджатан-ламы. Вероятно, его активность была частью плана цинских властей, активно использовавших буддийский фактор в своей «торгутской» политике. В **параграфе 6.3.** «Стимулы и кризисы идентичности ойратов: роль политики, этничности и буддийского фактора» отмечается, что высокий уровень сплоченности ойратов Первой и Второй конфедераций достигался интеграцией их лидеров и последующей легитимизацией складывавшегося порядка религиозной системой. При Третьей конфедерации у них появляется институт *главного ламы*, позже известного у калмыков как *шаджин-лама*. Буддизм способствовал развитию идентичности и государственности у ойратов, и, вместе с тем, становлению различий: ойратские сообщества, будучи подобными в содержательном отношении, различались в пограничных контекстах, что акцентировалось заинтересованной стороной – Цинами. Так, цинские власти отказывали джунгарам в вере в буддизм, но буддийский фактор постоянно актуализировался в контактах императора с калмыками; последних маньчжуры именовали *торгутами* и *аюкинцами* (сужающее значение), нежели *калмыками* (общеойратское значение). Русские власти не обладали столь разнообразными инструментами влияния на ойратов, как у Цинов, тем самым упуская из внимания буддийский

фактор, сущностный в их политической и этнической истории, воспринимавшийся ойратами как витальный для сохранения своей идентичности.

В **Заключении** даются основные выводы, сделанные в результате проведенного исследования.

Религиозный фактор был традиционно значим для истории ойратов, что подтверждается, например, ролью Худуха-беки (священнослужитель и глава ойратов), и персидским периодом ойратов (XIII в.). Роль буддийского фактора в политической и этнической истории ойратов возрастала в ходе существования трех их конфедераций: Первой (Ранней, 1430-е гг. – конец XV в.), Второй (Средней, ранее 1570 г. – 1635), и Третьей (Поздней, 1635 – 1756). Первая возникла в 1430-х гг. при Тогоне, чей сын Эсэн-тайши стал первым ойратским правителем, возведшим буддизм в ранг государственной религии (после 1449 г.). После ее падения по религиозным причинам в конце XV в., в условиях постоянных столкновений и войн с соседями у ойратов стала формироваться новая конфедерация (образовалась до 1570 г.). Тогда же началась смена родоплеменных групп этнополитическими объединениями.

Осложнение с конца первой трети XVII в. религиозной ситуации на северо-востоке Тибета (Кукунорский регион), также как и в самом Центральном Тибете, обусловило в 1630-х гг. обращение руководства Гелук за помощью к ойратам, и в результате Далай-лама в 1642 г. возглавил Тибет. Случившийся в тот период распад Второй конфедерации ойратов завершил формирование крупных этнополитических объединений элётов (джунгаров и дербетов), хошутов и торгутов, причем половина последних с частью дербетов мигрировала в пределы Сибири. Тибетский фактор оказался судьбоносным для политического развития ойратов – благодаря ему возникли Джунгарское (как Третья конфедерация), Хошутское и Калмыцкое ханства. Безусловно, принципиальным обстоятельством было и наличие у западных монголов традиций государственности – существенной матрицы в структуре их политической культуры, где была велика роль буддийского фактора.

Политическое развитие ойратских ханств повлияло на преобразование этнополитических объединений в большие этнические группы – *улусы* (с начала XVIII в.), тем самым очерчивались границы сообществ и ограничивался прежний уровень коммуникаций между ними. Ойраты стали зваться согласно наименованию ведущего улуса: в Джунгарии – джунгарами, в Хошутском ханстве – хошутами, в Калмыцком – торгутами. Это был существенный шаг в создании идентичности «поздних» ойратов: во-1-х, он экстраполировал интересы ведущих этнических групп на всех подданных в каждом из их государств; во-2-х, актуализировался ранний этноним *элёт* – им вновь стали именовать себя все ойраты. В условиях исламского окружения он обрел конфессиональное содержание и стал обозначать буддиста, как и этноним *калмык* (обычно обозначал не-мусульманина). Таким образом, ойратские ханства возрождались как серьезная военная сила и защитники буддийского учения.

Такие знаковые достижения, как изобретение в 1648 г. Зая-пандитой письменности *тодо узуг* и законы 1640 г., а также последующие региональные

законодательные акты у джунгаров и у хошутов, поддержали институциональные перемены у ойратов, укрепив у них буддийскую идеологию и политическое самоопределение (образование ханств).

Дайчин и Аюка, главы торгутов, встречались лично с Далай-ламой, и получение ими от него грамот на ханство стало важным элементом легитимности правителя и могло выступить окончательным доводом в пользу признания торгутского лидера главой складывавшегося Калмыцкого ханства.

На политическое и социальное развитие кукунорских хошутов немаловажное влияние оказывал представитель Далай-ламы, однако под давлением Пекина они с конца XVII в. стали входить в подданство империи. Политические пертурбации в Тибете, где «царем» стал Лхавзан, внук Гуши-хана, повлияли на смерть Далай-ламы Шестого и обнаружение его перевоплощения в Кхаме; мальчик рос в монастыре Кумбум под охраной хошутов.

Захват в 1717 г. Лхасы войсками джунгарского Цэван-Рабдан хунтайджи объяснялся им необходимостью получения Далай-ламой одобрения от всех ойратских правителей, а не только от хошутских, и «очищения» учения Цзонкхапы от «еретических» доктрин. Джунгары покинули Тибет в конце 1720 г., и вскоре маньчжуры и кукунорские хошуты доставили в Лхасу Далай-ламу Седьмого из Кумбума. Однако хошуты потеряли право на влияние в Тибете, где к власти пришло правительство *кашаг,* и в 1723 г. они подняли восстание, которое было подавлено, а их территория вошла в состав Цин. Тибет возглавил Пхоланай, перевоплощенец внука Гуши-хана. У джунгаров и калмыков подобные перевоплощения не имели распространения, что позволяло им избегать влияния цинской системы управления, использующей этот уникальный буддийский институт в своих политических целях.

Церен-Дондук, возглавивший калмыков после смерти Аюки при поддержке Шакур-ламы, также получил грамоту на ханский титул от Далай-ламы. Однако при нем впервые встал вопрос о российском подданстве калмыков, что позже будет использовано Цинами для ограничения контактов калмыков с Далай-ламой. Вместе с тем, в целом цинская дипломатия формировала образ своего правителя как настоящего бодхисаттвы, любящего своих подданных и сострадающего к попавшим в тяжелую ситуацию (пример – судьба посольства Арабджура, отправленного Аюкой в Тибет в 1698 г.).

Связи с Тибетом понимались калмыцкими лидерами как витальная необходимость в условиях перманентной борьбы за существование ханства и сохранение своей идентичности. Но посольство нового правителя Дондук-Омбо в Тибет не было пропущено на границе цинской стороной. Посланникам следующего правителя Дондук-Даши удалось добраться до Далай-ламы благодаря тому, что они были на «собственном коште», а не за казенный счет. Вероятно, им удалось привезти Дондук-Даши грамоту на ханство.

Хотя джунгары также были ограничены в связях с Тибетом, при Галдан-Церене в ханстве буддизм развивался. Позже Цяньлун предлагал очередному правителю ханства, Цэван-Дорджи, обучать в монастырях Пекина молодых джунгарских лам, вероятно, рассчитывая воспитать их послушными

исполнителями своей воли. Воспользовавшись начавшейся среди этих ойратов смутой, маньчжуры весной 1755 г. ввели свои войска и позже ханство пало. Большинство спасавшихся ушло на российскую территорию.

Буддизм продолжал оставаться существенным фактором в жизни Калмыцкого ханства, что было подтверждено принятием при Дондук-Даши законов «Тогтол», дополнявшим законы 1640 г. Российские власти обращали внимание на буддийский фактор с точки зрения его значения для геополитики государства, но не принимали во внимание религиозные нужды калмыков.

У калмыков культурно-ценностные ориентации связывали между собой все системы общества. Со временем в религиозной системе стали акцентироваться (восстанавливать свое значение) отдельные институты, в частности, институт перевоплощений. Вероятно, первым проявлением таких процессов было признание ламы Делека за известного перевоплощенца. Неудивительно, что калмыки так же отнеслись спустя несколько лет к ламе Лоузан Джалчину, заявлявшего, что его воскресили в Лхасе. Он вел большую агитационную работу по уходу калмыков из России. Судя по всему, он выдавал себя за воплощение ламы Анджатана, известного калмыцкого буддийского деятеля.

По прибытии калмыков летом 1771 г. в Джунгарию, с Убаши встретился представитель Цяньлуна, заявивший, что тот может отправиться к Далай-ламе, поскольку Тибет входит в состав империи. Но высшие тибетские иерархи, вероятно, ничего не знали о планах калмыков вернуться в Джунгарию.

Высокий уровень сплоченности ойратов Первой и Второй конфедераций достигался за счет интеграции их лидеров, с последующей легитимизацией складывавшегося порядка религиозной системой, обеспечивавшей действие нормативно-правовой системы. Благодаря этому в период Третьей конфедерации ойраты имели немало сходного и общего в таких сферах, как культура и образ жизни. Однако в условиях быстрого роста могущества соседних империй возможности и потенциалы западных монголов не успевали адекватно реагировать на перемены во внешнем мире, особенно в условиях давления на такой принципиальный показатель идентичности, как религиозный.

Буддийский фактор оказал позитивное влияние на историю ойратских конфедераций, развитие государственности у ойратов, укрепление буддийской идентичности народа. Вместе с тем, представленный у цинских властей в арсенале средств по подчинению монгольских народов, он повлиял на вхождение хошутов в состав Цинской империи, падение Джунгарии и возвращение калмыков на земли своих предков.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Монографии:

Индивидуальные:

1. Китинов, Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII-XVII вв.) / под общей редакцией акад. РАН Г. М. Бонгард-Левина. – М.: Т-во научных изданий КМК, 2004. 190 с.

2. Kitinov, Baatr U. The Spread of Buddhism Among Western Mongolian Tribes Between the Thirteenth and Eighteenth Centuries / With a Foreword by Ven. Thupten Ngodub. – Lewiston, Queenstone, Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2010. 324 p.

3. Китинов, Б.У. Цивилизационные основы политического процесса. – М.: изд-во РУДН, 2019. 367 с.

Коллективные:

4. Baatr U. Kitinov. Eurasia and India: Regional Perspectives / Kaushik Devendra, Lepekhov Sergey, Zhernosenko I. A., Warikoo K., Dorina M. V., Doraiswamy Rashmi, Tuguzhekova V. N., Shaumyan Tatiana, Kukeyeva Fatima, Sarma Angira Sen, Baldano Marina, Mahanta Gatikrushna. Ed. by Warikoo K. – Routledge, 2018. 162 p.
5. Baatr U. Kitinov. Buddhism in Mongolian History, Culture, and Society / Elverskog Johan, Taupier Richard, King Matthew, Wallace Vesna A., Ujeed Uranchimeg B., Tsultemin Uranchimeg, Wickham-Smith Simon, Kaplonski Christopher, Tsomo Karma Lekshe, Ujeed Hurelbaatar. Ed. by Wallace Vesna A. – Oxford University Press, 2015. 325 p.
6. Baatr Kitinov. Buddhism in Asia: Traditions and Imageries / Doraiswamy Rashmi, Kak Manju, Vanchikova Tsymhzhit P., Bhattacharya Swapna, Buraeva Olga V. Ed. by Anita Sengupta, Suchandana Chatterjee, S. Bhattacharya. – New-Delhi: Shipra Publications, 2012. 152 p.
7. Baatr Kitinov. Contemporary Buddhism. Comparative Studies on Eurasia and South Asia / Stobdan P., Mitypov V. M., Nesterkin S. P., Manzanov G. E., Chakma Mrinal Kanti. Ed. by Suchandana Chatterjee and Anita Sengupta. – New-Delhi: Shipra Publications, 2011. 111 p.
8. Китинов Б.У. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Мчедлов М. П., Кудряшова М. С., Морозов Е. Ф., Пучков П. И., Тощенко Ж. Т., Логинов А. В., Горбунов В. В., Галицкая И. А., Метлик И. В., митрополит Кирилл, Гайнутдин Р., архиепископ Езрас, Кобецкайте Г., Тирияки В. З., Худавердян В. Ц., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Отв. ред. М. П. Мчедлов. – М.: Культурная революция, 2007. 368 с.

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях

9. Kitinov Baatr. Forming the image of Other: Religion in the Geopolitical Maps Around Jungar and Kalmyk Khanates // Вестник РУДН. Серия: всеобщая история. – 2019. – Т. 11. – № 4. – С. 307-316.
10. Китинов Б. У., Люлина А. Г. Первые регенты-тулку Тибета и их роль в управлении страной // Oriental Studies. – 2019. – № 2. – С. 164–173.
11. Китинов Б. У., Лю Цян. Религия в ойратской политике династии Цин // Вестник РУДН. Серия: всеобщая история. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 44-55.
12. Китинов Б. У. «Гоман ламиных духовных служителей… не отпустил назад»: о малоизвестном эпизоде из истории калмыцко-цинских отношений // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 37-47.
13. Китинов Б. У. Тибетский контекст в хошутско-цинских отношениях: от равенства к подчинению // Oriental Studies. – 2018. – № 2. – С. 20-28.
14. Китинов Б. У. К вопросу о роли религии в этнической истории ойратов // Oriental Studies. – 2018. – № 1. – С. 13-21.
15. Китинов Б. У. Геокультурный образ буддизма в Каспийском регионе // Вестник Калмыцкого университета. – 2018. – Т. 38. – № 2. – С. 6-11.
16. Китинов Б. У., Лю Цян. К вопросу о раннем взаимодействии маньчжурских правителей и тибетских лам // Вестник РУДН. Серия: всеобщая история. – 2018. – Т. 10. – № 1. – С. 79-85.
17. Китинов Б. У., Люлина А. Г. Тибетский принцип отношений «чой-йон» в цинских источниках XVII-XVIII вв. // Вестник РУДН. Серия: всеобщая история. – 2018. – Т. 10. – № 2. – С. 126-134.
18. Китинов Б. У. Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // Вестник РУДН. Серия: всеобщая история. – 2018. – Т. 10. – № 3. – С. 270-281.
19. Китинов Б. У. Торгуты: к вопросу этногенеза и религиозной ориентации // Вестник РУДН. Серия: всеобщая история. – 2017. – № 1. – С. 84-95.
20. Китинов Б. У. Эмир Ноуруз и распространение ислама у ойратов в Персии // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. – 2017. – № 3. – С. 41-52.

21. Китинов Б. У. «Ойраты-огеледы… пересекли реку Манкан»: этно-религиозная ситуация у ойратов в сер. XV – нач. XVI вв. // Вестник РУДН. Серия: всеобщая история. – 2017. – Т. 9. – № 4. – С. 370-382.
22. Китинов Б. У. Лама Анджатан: инкарнации учителя // Вестник РУДН. Серия: всеобщая история. – 2016. – № 2. – С. 27-35.
23. Китинов Б. У. К вопросу о составе ранних ойратов // Вестник РУДН. Серия: всеобщая история. – 2016. – № 3. – С. 52-57.
24. Китинов Б. У. Буддийская культура: от возможностей "мягкой силы" до потенциала Лумбини // Азия и Африка сегодня. – 2015. – Июль. – С. 53-57.
25. Китинов Б. У. Каспийский регион: особенности формирования региональной цивилизации // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Т. 6. – № 6. – С. 104-107.
26. Китинов Б. У. Китай: религиозно-духовный дискурс цивилизационного ресурса государства // Мир и политика. – 2011. – №10. – С. 104-111.
27. Китинов Б. У. Буддизм в Каспийском регионе // Мир и политика. – 2010. – № 6. – С. 41-49.
28. Китинов Б. У. Буддизм в геополитике народов и империй от Тангута до Каспия // Вестник РУДН. Серия: теория и история международных отношений. – 2007. – № 3. – С. 75-80.
29. Китинов Б. У. Светская и духовная власть у ойратов и калмыков в XVII - середине XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2000. – № 4. – С. 87-97.
30. Китинов Б. У. К проблеме этноидентификации при изучении буддизма у ойратов // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 1995. – № 3. – С. 47-53.

Статьи в российских и зарубежных научных журналах и изданиях:
на русском языке:

31. Китинов Б. У. Выпускники монастыря Дрепунг как первые руководители калмыцкой сангхи (последняя треть XVII – первая половина XVIII в.) // Тибетология и буддология на стыке науки и религии-2018. Материалы Международной конференции 30-31 октября 2018. Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 23 / отв. ред. выпуска: С.Л. Кузьмин, Т.Л. Шаумян. – М.: изд-во ИВ РАН, 2019. – С. 135-141.
32. Китинов Б. У. к вопросу о роли религиозного фактора в деятельности Галдана Бошогтухана и Богдо-гэгэна I Дзанабазара (до ойрато-халхаских войн) // Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. К 150-летию Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII – последнего великого хана монголов. Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 25 / отв. ред. выпуска: С. Л. Кузьмин, О. Батсайхан. – М.: изд-во ИВ РАН, 2019. – С. 350-371.
33. Китинов Б. У. Улан зала (красная кисть): когда и почему этот маркер этнической и религиозной идентичности был принят ойратами // Астраханские краеведческие чтения. Выпуск XI: сборник статей / под ред.: А. А. Курапова, Е. И. Герасимиди, А. Н. Алиевой. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2019. – С. 287-292.
34. Китинов Б. У. К вопросу о школах (течениях) буддизма у ойратов // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований. Материалы III Международной научной конференции. – Элиста: изд-во КГУ, 2019. – С. 363-366.
35. Китинов Б. У., Лю Цян. Цинский источник о роли религии во взаимоотношениях между ойратами, Китаем и Тибетом // Астраханские краеведческие чтения. Выпуск X: сборник статей / под ред.: А. А. Курапова, Е. И. Герасимиди, А. Н. Алиевой. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 82-90.
36. Китинов Б. У. Ойраты-хошуты в Тибете: особенности политической и религиозной истории // Тибетология и буддология на стыке науки и религии. Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 1. / отв. ред. выпуска: С. Л. Кузьмин, Т. Л. Шаумян. – М.: изд-во ИВ РАН, 2017. – С. 238-260.
37. Китинов Б. У. Религия как особый фактор в торговых отношениях хошутов с русскими // Россия - Монголия: история, вызовы XXI в., перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию установления дипломатических отношений

между Россией и Монголией (Москва, 13-14 октября 2016 г.). – Улан-Батор, 2017. – С. 96-103.
38. Китинов Б. У. Тантризм и шаманизм у ойратов и калмыков // Буддизм: Pro et Contra. Конфессиональные факторы формирования ценностной структуры российской цивилизации: антология. – СПб.: изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2017. – С. 120-140.
39. Китинов Б. У. Буддизм на Каспии: особенности и периодизация // Буддизм Ваджраяны в России. Традиции и новации: сборник статей. – М.: Алмазный путь, 2016. – С. 205-214.
40. Китинов Б. У. Война в буддийской традиции (на примере истории буддизма у ойратов) // Буддизм Ваджраяны в России: Исторический дискурс и сопредельные культуры. Научное издание / отв. ред. Е. В. Леонтьева; сост. В. М. Дронова. – М.: Алмазный путь, 2013. – С. 45-54.
41. Китинов Б. У. Государство и религии Каспия: цивилизационный феномен тибетского буддизма // Буддизм Ваджраяны в России. История и современность: сборник статей. – СПб.: Unlimited Space, 2009. – С. 331-335.
42. Китинов Б. У. Институт Далай Ламы в контексте истории взаимодействия традиции Гелук и ойратов // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность: сборник статей. – М.: изд-во РУДН, 2009. – С. 129-153.
43. Китинов Б. У. Буддизм в идентификационных процессах у российских буддистов // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М.П. Мчедлов – М.: изд-во Института социологии РАН, 2008. – С. 214-230.
44. Китинов Б. У. Буддизм и ислам в средневековой истории ойратов (калмыков): опыт взаимодействия // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий: сборник статей. Элиста: АПП «Джангар», 2008. – С. 210-218.
45. Китинов Б. У. Буддийская традиция в России // Россия в современном диалоге цивилизаций. – М.: Культурная революция, 2008. – С.203–223.
46. Китинов Б. У. Фактор буддизма в истории Центральной Азии и Прикаспия: ранний этап // Цивилизация, государство и общество Евразии: вчера, сегодня, завтра: сборник статей участников Международной научно- практической конференции 11-12 ноября 2008 г. – М.: изд-во РУДН, 2008. – С. 119-128.
47. Китинов Б. У. Буддизма тибетского школы // Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2008. – С. 215-218.
48. Китинов Б. У. Индийский контекст Каспийского региона в прошлом, настоящем и будущем // В Индию духа… : сборник статей, посв. 70-летию Р.Б. Рыбакова. – М.: Восточная литература РАН, 2008. – С. 201 – 207.
49. Китинов Б. У. Тибетский буддизм в культовой и образовательной системе поволжских калмыков // IV Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: материалы научной конференции. – СПб: изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – С. 390-395.
50. Китинов Б. У. Глобализация по-средневосточному: Персия как место взаимодействия мировых цивилизаций // Глобализация и справедливость: сборник статей. / под ред. Н. С. Кирабаева, В. И. Юртаева. – М.: изд-во РУДН, 2007. – С. 186-194.
51. Китинов Б. У. Буддийская цивилизация в России: содержание и перспективы // Россия и Восток: проблемы толерантности в диалоге цивилизаций: материалы IV Международной научной конференции (Астрахань, 3-5 мая 2007 г.). – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. – С. 334-339.
52. Китинов Б. У. Буддийская цивилизация на Юге России // Диалог цивилизаций: Восток – Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире. Ч. 1: сборник статей – М.: изд-во РУДН, 2006. – С. 78-82.
53. Китинов Б. У. К вопросу о роли алтайских лам в истории буддизма у калмыков в сер. XVIII в. // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность:

Материалы Международной научной конференции (5-7 октября 1998 г., г. Горно-Алтайск). – Горно-Алтайск, 1999. – С. 136-143.

54. Китинов Б. У. Религиозные традиции Тибета в истории буддизма у калмыков // Геше Вангьял. Драгоценная лестница. – Элиста: АПП «Джангар», 1994. – С. 194-214.

на английском языке:

55. Baatr Kitinov. "Kings of Tibet": Reexamination of the Role of Khoshuts in Changing the Genghisid Principle Succession of Power to the Dalai Lama's Seal // Proceedings of the International conference "Cultural Communication and Relations between Mongolia and Tibet". Vol. 1. – Lanzhou, 2017. – P. 1-10.

56. Baatr Kitinov. Kalmyks in Tibetan History // The Tibet Journal. – 1996, Autumn. – Vol. XXI. – № 3. – P. 35-46.

Тезисы и публикации в российских и зарубежных научных журналах и изданиях:

на русском языке:

57. Китинов Б. У. Буддизм в региональном взаимодействии цивилизаций: религия и пространство (тезисы) // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Научная конференция: тезисы докладов. Апрель 2008. – М.: изд-во ИСАА при МГУ, 2008. – С. 15-18.

58. Китинов Б. У. Западная ойкумена буддизма: Каспийский регион // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов. – М.: изд-во ИСАА при МГУ, 2006. – С. 327-331.

59. Китинов Б. У. Верховский Л. А. Буддизм // Религии народов современной России: Словарь / отв. ред. М. П. Мчедлов. – М.: Республика, 1999. – С. 47-48.

60. Китинов Б. У. Ламаизм // Религии народов современной России: Словарь / отв. ред. М. П. Мчедлов. – М.: Республика, 1999. – С. 202.

61. Китинов Б. У. Верховский Л. А. Буддизм в России // Религии народов современной России: Словарь / отв. ред. М. П. Мчедлов. – М.: Республика, 1999. – С. 48-51.

62. Китинов Б. У. Кочевники-буддисты Центральной Азии и приход Далай Ламы к власти в Тибете в 1642 г. // Ломоносовские чтения. Религии стран Азии и Африки: история и современность: тезисы докладов. – М.: изд-во ИСАА при МГУ, 2001. – С. 76-81.

63. Китинов Б. У. Взаимодействие религиозной и светской властей в кочевых обществах Центральной Азии в XVI-XVII вв. // Ломоносовские чтения. Религии стран Азии и Африки: история и современность: тезисы докладов. – М.: изд-во ИСАА при МГУ, 1998. – С. 57-59.

64. Китинов Б. У. Буддийская культура как закономерный и основной показатель калмыцкого этноса // Репрессированные народы: упразднение их национальной государственности и проблемы реабилитации: тезисы докладов и сообщений Российской научно-практической конференции 26-27 декабря 1993 г. / отв. ред. Убушаев В. Б. – Элиста: АПП «Джангар», 1993. – С. 152-153.

65. Китинов Б. У. О времени распространения буддизма у ойратов // Восток в прошлом и настоящем: сборник тезисов. – Иркутск: изд-во Иркутского государственного университета, 1992. – С. 98-100.

на английском языке:

66. Baatr Kitinov. The Russian archival documents on the revitalization of Buddhism in the Kalmyks in the late 19th and early 20th centuries // The 15th Seminar of the International Association for Tibetan Studies (IATS). Book of Abstracts. Paris, 7-13.07.2019. – Paris: INALCO, 2019. – P. 155.

67. Baatr Kitinov. Incarnations and the Spiritual Leaders as Subject and Object of Political Activity of Oirats and Kalmyks: Case of Identity // Mongolian Buddhism in Practice. Abstracts of the International Conference. – Budapest, 2017. – P. 30.

68. Baatr Kitinov. Buddhism and Islam in political processes in the Kalmyk Khanate at the beginning of XVIII century // A Collection of Abstracts of the 6th Beijing International Seminar on Tibetan Studies. – Beijing: China Tibetology Research Center, 2016. – P. 68-69.

69. Baatr Kitinov. State and the Religion of the Caspian Region: Tibetan Buddhism and Islam // Collection of Abstracts of 2008 Beijing Seminar on Tibetan Studies. – Beijing: China Tibetology Research Center, 2008. – P. 71-73.
70. Baatr Kitinov. After 1771: Tibetan Influence Over Kalmyks and Russian Appraisal // The Collection of Paper Abstracts of 2001 Beijing Seminar on Tibetan Studies. - Beijing: China Tibetology Research Center, 2001. – P. 155-158.
71. Baatr Kitinov. Buddhism among Oirats // The Collection of Paper Abstracts of 1997 Beijing Seminar on Tibetan Studies. – Beijing: China Tibetology Research Center,1997. – P. 114-115.

на тибетском языке:

72. Baatr Kitinov (Pa thur khi chis nuo hphu). dus rabs 18 pai dus 'gor khal me khai yul du nang chos dang dbyi si lan chos lugs kyi chab srid 'phel rim // Pe chin rgyal spyii bod rig pai dpyad gleng gros tshogs skabs drug pai dpyad rtsom gnad bsdus. – Beijing: China Tibetology Research Center, 2016. – P. 86-88. [Буддизм и ислам в политических процессах в Калмыцком ханстве в начале XVIII в.]
73. Baatr Kitinov (Pa thur khi chis nuo hphu). Kha si phin sa khul rgyi rgyal khab dang chos lugs sangs rgyals chos lugs dang dbyi si lan chos lugs // 2008 Pe cin bod rig pai dbyang gleng gros chogs kyi dpyad rtsom gnad bsngus. – Beijing: China Tibetology Research Center, 2008. – P. 99-101. [Государство и религия в Каспийском регионе: тибетский буддизм и ислам]
74. Baatr Kitinov (Pa thur khi chis nuo hphu). Spye 1771 loi rzes kyi bod kyis gar meg la thon pai shugs rkyen dang u ru sus der gdeng 'zog zi lhar byas pai skor // 2001 Pe cin bod rig pai dbyang gleng gros chogs kyi dpyad rtsom gnad bsngus. – Beijing: China Tibetology Research Center, 2001. – P. 96-98. [После 1771 г.: влияние Тибета на калмыков и реакция России]
75. Baatr Kitinov (Pa thur khi chis nuo hphu). Bod brgyud nang bstan oi rod du dar tsul brdzod pa // 1997 Pe cin bod rig pai dbyang gleng gros chogs kyi dpyad rtsom gnad bsngus. – Beijing: China Tibetology Research Center,1997. – P. 112-113. [Тибетский буддизм у ойратов]

на китайском языке:

76. Baatr Kitinov (Ba te er. ke ji nuo fu). 18 shi ba shi ji chu fo jiao he yi si lan jiao zai ka er mei ke han guo de zheng zhi jin cheng // Di liu jie bei jing (guo ji) zang xue yan tao hui ti ya ji. – Beijing: China Tibetology Research Center, 2016. – P. 60-61. [Буддизм и ислам в политических процессах в Калмыцком ханстве в начале XVIII в.]
77. Baatr Kitinov (Ba te er. ke ji nuo fu). Ka si pi an diqu de guojia he zongjiao: zang chuang fo jiao he yisilan jiao // 2008 nian Beijing zangxue taolunhui tiyaoji. – Beijing: China Tibetology Research Center, 2008. – P. 73-74. [Государство и религия в Каспийском регионе: тибетский буддизм и ислам]
78. Baatr Kitinov (Ba te er. ke ji nuo fu). 1771 nian zhihou: xizang dui kaermeike ren de ying xiang ji Eluosi duibi de pingjia // 2001 nian Beijing zangxue taolunhui tiyaoji. – Beijing: China Tibetology Research Center, 2001. – P. 6-7. [После 1771 г.: влияние Тибета на калмыков и реакция России]
79. Baatr Kitinov (Ba te er. ke ji nuo fu). Zang zhuan fojiao zai weilate // 1997 nian Beijing zangxue taolunhui tiyaoji. – Beijing: China Tibetology Research Center, 1997. – P. 72. [Тибетский буддизм у ойратов]